

Вера Петрук

САГА Халіруджи

Чужая война

КНИГА ТРЕТЬЯ

Вера Петрук

Чужая война. Книга третья

«Издательские решения»

Петрук В.

Чужая война. Книга третья / В. Петрук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-457-74697-8

Прошлое врывается в трудную жизнь Арлинга, втягивая его в войну кланов древнего ордена, поклоняющегося богу-змею. Связанный клятвой халруджи, он должен сделать выбор между господином, ставшим ему другом, и учителем, который наделил его тайным знанием вопреки запрету ордена. Сможет ли Арлинг понять, на чьей он стороне, и снова поверить в любовь?

ISBN 978-5-457-74697-8

© Петрук В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пески Холустая	6
Глава 2. Западня	32
Глава 3. Столичные гости	45
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Чужая война. Книга третья

Вера Петрук

© Вера Петрук, 2016

© Надежда Шупарская, дизайн обложки, 2016

© Александра Петрук, иллюстрации, 2016

Редактор Александра Петрук

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пески Холустая

Сикелия, последнее завоевание великой Согдариийской Империи, простиралась широко, от побережья Тихого моря на Западе до Гургаранских гор на Востоке, и была похожа на большое пятно солнечного света, присыпанное золотой пылью.

Гряда Гургарана разрезала Сикелию с Севера на Юг – словно жестокий бог выдрал из сухой земли каменный хребет, обнажив его перед высоким синим небом. Кучеяры называли Гургаран «Царскими Вратами» и считали границей, отделяющей мир людей от мира демонов.

На севере долина Сикелии была окаймлена отрогами Исфахана, а на юге начиналось Шибанское нагорье, славное крутыми холмами и волнующими ландшафтами.

Но сердце сикелийских земель было пустым и ровным. Там раскинула свои дюны самая большая пустыня Согдариий – Карах-Антар, что по-кучеярски означало «Белые Пески». Дожди добирались туда редко. Раскаленный воздух и палящее солнце тщательно охраняли ее владения от случайных путников. На золотых дюнах Карах-Антара давно господствовали песчаные бури и керхи – дети пустыни, которые умели выживать там, где не было ничего живого. Караванщики обходили Белые Пески стороной, опасаясь коварных самумов, диких кочевников и злых пайриков, демонов, которые, согласно поверьям, населяли каждый бархан и охраняли подступы к Гургарану.

На западном побережье Сикелии зной смягчался морским ветром, а под безоблачным небом всегда царила весна. Когда-то там в изобилии росли хлебные деревья, виноград и финиковая пальма. Кучеяры верили, что бог сотворил верблюда и пальму вместе с людьми из одного куска глины, поэтому ласково называли горбатого зверя братом человека, а дерево – сестрой.

Но после тысячелетнего наступления пустыни от плодородных земель осталась лишь узкая полоса вдоль побережья Тихого Моря. Только долина реки Мианэ еще выдерживала натиск песков. Между отрогами Холустая, сопровождавшими берега Мианэ, протянулся оазис, который давал жизнь самому дальнему городу Согдариийской Империи.

Балидет раскинулся в дельте реки, соединяя Согдарию с Шибаном, царством корабелов, и Песчаными Странами, с которыми уже многих веков велась успешная торговля. Каждый день через крепость проходили богатые караваны, следующие в центральные города Сикелии. Балидет процветал, не зная бед кроме набегов пустынных разбойников и выплаты годовой дани Согдариий. Впрочем, они не были в тягость: керхи никогда не нападали на сам город, довольствуясь грабежом караванов, а дань легко покрывалась за счет пошлины, которую Торговая Гильдия Балидета взимала с проходящих через ее земли купцов.

Только сумасшедший мог бросить вызов Согдариийской Империи, которая подчинила все соседние земли и жадно поглядывала на те, которые прятались за горизонтом – Шибан, Арвакское Царство и Песчаные Страны. И хотя ноги колосса уже превращались в глину, его военная мощь еще была велика. Регулярная армия бдительно охраняла колонии Империи, а репутация элитного отряда Жестоких, которых в Сикелии помнили за беспощадную резню, учиненную ими при захвате Самрии много веков назад, была столь же грязной.

Никто не ожидал, что Жемчужину Мианэ дерзко украдут из короны императора. Когда к стенам крепости подошла многотысячная армия, явившись, словно мираж из Карах-Антара, купцы Балидета без сопротивления сдали город на милость победителя. Но загадочный Маргаджан не пробыл в крепости и месяца, выступив на соседний город Муссаворат. Белый Город не мог сравниться с блеском Балидета, но славился соляными рудниками и солеварнями, поставляя соль даже на северный континент.

«Пустыню питает не дождь, а кровь человеческая», – сказал как-то иман. В Муссаворате должно было случиться побоище, каких давно не было в этих местах. Но его можно было предотвратить – Арлинг мог завершить миссию Беркута и убить Маргаджана.

Однако, как и купцы Балидета, он предпочел сдаться.

Монтеро, который когда-то был его лучшим другом, но по прихоти судьбы стал разбойником Маргаджаном, не был виновен в смерти Магды. Халруджи потребовалось много времени, чтобы понять это. Но с пониманием простой истины не пришло прощение. Даррен захватил не просто один из городов Сикелии. Он взял стены личной крепости Арлинга, где на протяжении многих лет Регарди успешно выдерживал осаду прошлого. И сейчас оно дикой ордой ворвалось на улицы его жизни, растоптав то, что, казалось, имело смысл и порядок.

Халруджи мог сразиться с диким керхом, устроить драку с учениками Шамир-Яффа, вступить в бой с етобаром, но он не мог поднять руку на Даррена Монтеро, который неожиданно нашел его в песках Сикелии. Прошлое было неприкосновенно.

Обоз трянуло, вернув Арлинга туда, где он находился последние дни – в крытую повозку, груженную мешками с маисом. Там пахло зерном, пылью и затхлостью, было тесно и невероятно жарко. Холст, который накрывал обоз сверху, накалялся днем так, что Регарди казалось, будто его заживо запекали в большой печи. Полотно не спасало от песка, который проникал повсюду, скрипя на зубах и забиваясь в одежду. В одном из мешков маис оказался заражен клопами. Спасаясь от жары, насекомые переселялись на днище обоза, а также на Арлинга. Клопов приходилось терпеть, потому что рядом с обозом шли наемники из керхов, а слух у детей пустыни был острым. Регарди изображал мешок и не двигался.

Задумавшись, он не заметил, как они свернули к руслу соляной реки, протекавший неподалеку от плотины Мианэ. Скоро будут источники Холустая, а значит, привал. День близился к концу. У Холустайского Ключа он покинет Маргаджана, чтобы больше никогда не вспоминать о нем. Это была не его война.

Плотина слышалась совсем близко. Вода уже не шептала, а переговаривалась в полный голос, маня долгожданной прохладой. Увы, им было не по пути. От плотины дорога поворачивала к окраинам оазиса – туда, где велись нескончаемые бои песков и илистого чернозема. Муссаворат давно поглотила пустыня, и армии придется пройти сложный безводный участок, чтобы до него добраться.

Воздух стал суше, а голос Мианэ тише. Холодало. Халруджи пролежал без движения почти два дня и теперь чувствовал себя засохшей корягой саксаула. Раньше подобные упражнения давались легче. Регарди мог справиться с жаждой и затекшими конечностями, не замечать укусы насекомых и зуд на спине, где колдун Даррена оставил свою метку, но он не знал, как прогнать мысли, которые незаметно вползали в голову, оставаясь там надолго. «Чистота сознания – первое условие победы», – писал Великий Махди, обрекая его на поражение.

В голове Арлинга пахло песком, горячей кожей септоров, пыльными досками сцены, сладко-горькими лилиями, едкими мазями и грязной одеждой Мертвого Басхи. В реве самума тонул хриплый голос Даррена, а на языке стоял привкус пепла от сгоревшей школы. Прах Беркута жег его сердце, а воображение рисовало Сейфуллаха, убегающего от стрелы драганского лучника. Это был неправильный образ. Аджухам никогда не убегал. Мысли взметнулись, словно песок на гребне бархана, и в голове родилась другая картина. На ней Сейфуллах неподвижно лежал под кустом чингиля с саблей в руке, утыканный с головы до ног стрелами.

От мрачных мыслей Регарди отвлекли насекомые. Когда один из керхов, идущих рядом, заговорил, ему удалось незаметно смахнуть кровососов с лица. Днем обоз раскалялся до такой степени, что Арлинг с нетерпением считал минуты до следующего глотка настоя из семян портулака. Бурдюк с напитком был прощальным подарком имана. Пустын-

ные кочевники добавляли портулак в воду, считая, что его семена уменьшают жажду. Арлинг им не верил. Пить хотелось каждую секунду.

Несмотря на жару и затекшее тело, он был доволен. Даррен довез его почти до Холустая. Сам бы он так быстро до песков не добрался. Раньше Регарди приходилось бывать в пустыне одному, но никогда от этого не зависела жизнь другого человека. Устав думать о том, как ему найти Сейфуллаха в землях, где Аджухам родился, а он, Регарди, до сих пор был только гостем, причем нежеланным, Арлинг прогнал все мысли, наслаждаясь звоном пустоты в голове и шелестом колес по песку. Пусть случится то, что должно случиться. А дальше он будет импровизировать.

Обычно керхи говорили мало, но сейчас слова лились из них непрерывным потоком. Арлинг различил знакомый диалект и прислушался.

– Старший хочет, чтобы мы пили Мокрый Камень. Да я лучше останусь на дороге самума, чем стану еще раз участвовать в мерзком колдовстве северян. Летящие с Ветром отдали Карателю свои луки, но не души, хчапаран! Пусть пайрики сожрут его ноги! Хчапаран!

– Не вой, или Скользящий вырвет тебе язык! Помни, чьим голосом говорит Каратель. Сам Некрабай хочет, чтобы ты положил в рот этот камень. И так сделают все Летящие с Ветром, потому что в ущелье был брошен кинжал бога.

– Некрабаю нет до нас дела, – пробурчал первый керх, но уже спокойнее. – Да, «Смотрящий Вперед» был брошен, и я сделаю то, что должен. Но зачем колдовать, когда можно обойтись бурдюком с водой? До Муссавората не так уж и далеко. И почему Индиговый выбрал людей с Севера? Они же глупее песчанок. Хчапаран! Скорей бы привал. Надеюсь, мы будем глотать этот камень не на пустое брюхо.

Арлинг мало что понял из слов керха, но услышанное ему не понравилось. Похоже, армия пользовалась каким-то наркотиком, который придавал наемникам силы. Может, это и был секрет Маргаджана, который помог ему перейти Карах-Антар? Не сам же Нехебкай спустился с Гургарана, чтобы провести захватчиков через раскаленные дюны. Не верил он в мистику.

Когда обоз, наконец, остановился, плотины Мианэ уже не было слышно. Теперь они находились во владениях смерти. Арлинг еще не выбрался из обоза, но уже ощущал пустыню всем телом. Дикая бескрайняя равнина под высоким куполом звездного неба. Холодный, пронизывающий до костей воздух ночи. Охристый песок, лениво перекачиваемый ветром. Тихий голос соляной реки Холустай, на берегах которой разбивала лагерь армия Даррена. Волны дюн плескались совсем близко, и где-то между ними затерялась тропка, которая должна была отвести его к Сейфуллаху. Шакал, который был все время, пока они продвигались вдоль реки, замолчал. Повисла пронзительная ночная тишина, и многоголосая толпа людей была не в силах ее нарушить. Человек в пустыне всегда был меньше песчинки.

Арлинг надеялся, что никому не понадобится маисовая крупа из его обоза. По крайней мере, в те полчаса, которые были ему нужны, чтобы вернуть контроль над телом после двухдневной неподвижности. Яд септора все еще напоминал о себе внезапным ознобом, но халруджи чувствовал – силы возвращались. Он собирался пройти по лагерю Даррена уверенно, как победитель, а не как покусанный змеями и заплутавший в жизни драган.

Наемники до бесконечности долго устанавливали палатки, разгружали животных и выставляли постовых. Но в пустыне все иллюзорно, особенно время. Прошло не больше часа, когда керхи, сторожившие обозы, отправились за похлебкой, густой запах которой давно беспокоил обоняние Арлинга.

Первый шаг был трудным, но перекатившись под обоз, Регарди почувствовал себя лучше. С каждой минутой руки и ноги обретали былые силы. Он сделал несколько глубоких вздохов, наслаждаясь ароматом свободы. Не приправленный запахами клопов, зерна и пыль-

ной мешковины, ночной воздух казался сладким и бодрящим. Ему повезло. Повозку оставили во внешнем кругу лагеря, значит, ему не придется пробираться через наемников, рискуя столкнуться с теми, кто запомнил его во дворце Гильдии.

Над всем лагерем витал плотный, дразнящий запах соли. Арлинг знал, что берега реки были усыпаны белым порошком, а на дне русла вились причудливые ветки кристаллов. Караванчики часто разбивали здесь лагерь, чтобы наполнить бурдюки в несоленых ключах, бивших в овраге у излучины Холустая. Впадая в реку, драгоценная жидкость превращалась в рассол, становясь частью мертвого пейзажа. Соленая вода была прохладной и легко держала тело. По пути домой караван Сейфуллаха тоже останавливался у ключей. Тогда Регарди купался в реке всю ночь, представляя, что парил в звездах. Сейчас он многое бы отдал, чтобы вспомнить те ощущения. Но счастье повторяется редко.

Пропустив сквозь пальцы уже остывший песок, халруджи принялся считать. В десяти саях от обоза стояла пустая керхийская палатка с двумя наемниками у входа. Керхи были молоды, словно месяц в небе. От них пахло терпким аракосом и материнской любовью. Взрослые керхи-воины одевали в походы одежду, добытую при грабеже первого каравана. Для этих же мальчишек все было сшито заботливыми керхийками из домашней шерсти. Им еще предстояло показать себя в бою. Если поход на Муссаворат под знаменем Маргаджана не станет для них последним.

За керхами стояли палатки драганов. Пять шатров в два ряда. За ними начинались пески, в которых была спрятана тропка, выходящая на старый тракт земли Сех. Это был самый короткий путь в Самрию. Из-за набегов кочевников и частых самумов купцы ходили другой дорогой, но Сейфуллах спешил и не мог тратить сорок дней на путь до порта. Если Арлинг хорошо знал своего господина, то они встретятся скоро.

Между тем, драганы играли в кости, дурачились и задирали керхов. Они не были похожи на людей, готовых отдать жизни при штурме города. Арлинг вспоминал Гасана и ребят из охраны Сейфуллаха. Каждый раз перед переходом через Земли Керхов, кучеяры волновались, мало ели, рано ложились спать, много молились. Или все дело было в том, что драганы и кучеяры по-разному относились к смерти? Первые над ней смеялись, а вторые ждали всю жизнь и готовились, как к дорогому гостю.

Собравшись, Арлинг прогнал тревожные мысли. Пусть его голову заполнит ночной песок и ничего больше.

Самым сложным было преодолеть сторожевой строй по внешнему кругу лагеря. Пересчитывая патруль, Арлинг впервые задумался о том, что не чувствовал нарзидов, которых Даррен увел из города. Он много раз тщательно вслушивался, но их гортанная речь нигде не была заметна. Либо Даррен успел от них избавиться, либо они шли отдельным караваном.

Халруджи неслышно проскользнул мимо молодых керхов – они были ему неинтересны. А вот драган, подошедший отлить к кусту чингиля, стал хорошей добычей. Арлинг затащил его в пустую палатку и, сняв с наемника верхний халат и тюрбан с головным платком, закопал спящее тело в песок, оставив снаружи голову. Он уже хотел накрыть его сверху ковром, как вдруг вспомнил разговор керхов.

Любопытство было его недостатком. Засунув пальцы наемнику в рот, он сразу нащупал твердый предмет. Камень пах человеческой слюной и был гладким, как галька. Арлинг вытер находку о штаны, но поверхность все равно осталась влажной. Словно камень был губкой, из которой постоянно сочилась вода. Однажды он уже встречал подобную вещь. Ему подарила такой камень Атрея, которая называла его «Слезой Нехебкая». Камень должен был помочь Арлингу уговорить имана взять его в ученики, но он так им и не воспользовался. Как же давно это было... Странно, что похожие камни оказались у Маргаджана. Наверное, это они помогли его людям пройти безводный Карах-Антар.

Халат драгана был ему велик, зато Регарди без труда спрятал под ним оружие – ножи, кинжалы, метательные звезды и духовую трубку с отравленными иглами. Саблю, лук и колчан со стрелами пришлось закрепить на перевязи за спиной. Теперь оставалось добыть верблюда. Без горбатой лошади в пустыне не выжить. Арлинг знал, что верблюд совсем не похож на лошадь, но представить это животное никак не мог. Когда-то иман потратил немало времени, чтобы научить его обращаться с верблюдами, но про себя Регарди по-прежнему называл их горбатыми лошадьми.

Головной платок он одевал с особенной тщательностью, стараясь скрыть щеки, чтобы двухдневная щетина не вызвала вопросов у гладкобритых драганов. Повязка, закрывающая слепые глаза, отправилась в карман. В следующие полчаса он собирался играть роль зрячего.

До места, где стояли развьюченные верблюды, халруджи добрался без приключений. Он шел уверенно, не поворачивая головы и изредка бросая отрывистое: «С дороги!». Наемники неохотно, но расступались. Больше ему было не нужно. Пусть все думают, что он разведчик с плохими новостями, спешащий к самому Маргаджану. На пути у таких людей обычно не становились.

Драгана, присматривающего за верблюдами, он усыпил иглой из духовой трубки. Смесь из журависа и почек трехствольного дерева была сильнодействующим снотворным, и наемник рухнул, как подкошенный. Арлинг тут же оказался рядом, и на случай, если за ними наблюдали, похлопал воина по щекам. Громко ругаясь на кучерскую водку и журавис, он оттащил тело к тюкам, снятым с животных на ночь. Ощупав шею воина, Регарди вытащил иглу и заботливо спрятал ее в футляр. Она ему еще пригодится.

Ни один из верблюдов даже не повернулся в его сторону, когда он приблизился. Животные пахли солнцем, шерстью, мускусом и особым ароматом, который был присущ только им. Хотелось зарыться лицом в мягкую длинную шею и не двигаться до рассвета. Халруджи нравилось в верблюдах все – крепкие длинные ноги, крутые горбы, мягкая шерсть, но особенно патлатая голова, красиво посаженная на мускулистой шее.

Негромко приговаривая, он медленно прошелся между гигантами пустыни, лаская теплые бока. Это была хорошая порода – верховая. Кучеры называли ее махари, что значило «быстрый, как ветер солнца». Такие животные могли пройти в день до сотни арок с приличной скоростью. Иногда Арлинг даже радовался своей слепоте. Ему казалось, что гордый взгляд верблюда, который он всегда ощущал на себе, не позволил бы ему оседлать это прекрасное животное. Кучеры говорили, что верблюд имел столь заносчивый вид, потому что знал имя бога. Как бы там ни было, халруджи не собирался посягать на его тайну.

Наконец, он нашел то, что искал, и остановился. Еще не расседланный верблюд лежал на земле, положив длинную шею на песок. Очевидно, драган, которого усыпил Арлинг, как раз собирался его развьючить. При приближении Регарди верблюд поднял морду и окинул его презрительным взглядом. Но реветь не стал, чем окончательно определил свою судьбу – быть украденным. У него была светлая шерсть и большой упругий горб, который говорил о его хорошем здоровье.

– Повезешь меня, Камо? – шепнул Регарди, протягивая на ладони угощение. Несколько сухих фиников, оставшихся от запасов, найденных в пузатом брюхе Затуты. Халруджи всех верблюдов звал Камо, даже тех, у кого были клички. И хотя Сейфуллах всегда ругался, Арлинг не изменял привычкам. Главное, что животные откликались.

Верблюд подумал, но угощение принял. Итак, сделка была заключена. Бегло осмотрев седельные сумки, халруджи остался довольным. По крайней мере, голодать и спать на песке ему не придется. В одной из сумок он нашел несколько масляных лепешек, горсть изюма и мешочек с крупой, а в другой – теплое керхское одеяло. Осталось только наполнить водой бурдюки.

У источника, где обычно поили верблюдов, наверняка было много драганов, поэтому халруджи выбрал более легкий путь.

Молодые керхи по-прежнему сторожили пустую палатку. Они не играли в кости и не спали, как драганы у соседнего шатра. Арлингу это понравилось.

– Эй, – окликнул он того, кто стоял ближе. – Приветствую, сын пустыни. У тебя легкие ноги и быстрый шаг, а я спешу с поручением от Маргаджана. Если ты принесешь мне воды, я вспомню тебя в своих молитвах Некрабаю.

Арлинг наклонился и протянул бурдюки. Он старался быть вежливым. С керхами иначе было нельзя. Прошла секунда, вторая, пятая. Камо покосился на его протянутую руку, и Регарди уже собирался выпрямиться, когда наемник шагнул к нему.

– Хорошо, крес, – сказал он на корявом драганском. – Жди.

Кочевник обратился к нему уважительно, и Арлинг позволил себе расслабиться. Ровно настолько, чтобы не потерять из внимания второго керха и драганов, играющих в кости у соседней палатки.

Мальчишка вернулся на удивление быстро. Не со старшим и даже не с драганами, а с полными бурдюками. Редкая удача.

В последнем ряду палаток он заставил Камо лечь на песок и притворился, что поправляет седельные сумки. Некоторые из них он снял, бросив на тропинку между шатров так, чтобы устраивающиеся на ночь наемники по очереди спотыкались о них в сумерках. «Если хочешь, чтобы тебя не заметили, будь на виду», – учил иман, и Арлинг воплощал его уроки в жизнь. Драганы ругались, поминая Амирона, керхи призывали самум на голову бестолкового северянина, но никто не останавливался надолго, не желая портить себе вечер. Арлинг беззлбно отругивался и ждал.

Наконец, его терпение было вознаграждено. Наступила смена поста, за которым он внимательно наблюдал, пока рылся в сумках и ругался с наемниками. Дежурившие драганы уступили место чужакам, которые прибыли с Дарреном из пустыни и которых Беркут назвал нарзидами. Три лучника не спеша отправились в обход, а два наемника с мечами и копьями замерли на невидимой границе, отделяющей лагерь от необъятной пустыни. Оседлав Камо, Арлинг направил верблюда к костру постовых.

– Я с патрулем, – отрывисто бросил он. – Меня задержали.

Регарди действительно слышал, как час назад лагерь покидал патруль и надеялся, что караульный окажется нелюбопытным. Но вместо того, чтобы махнуть рукой, пропуская его, один из чужаков придержал поводья Камо.

– Я тебя не знаю, – протянул он на корявом драганском, разглядывая халруджи в свете факела, который поднес второй страж. Арлинга накрыла волна кипарисового масла от волос наемников и жженого сахара. Этот запах преследовал чужаков, словно они каждый день принимали ванны из патоки.

– Я тебя тоже, – нагло ответил Регарди, выдергивая поводья Камо из рук бдительного стража. – Меня послал старший. Если есть вопросы, задайте их ему. И лучше поторопитесь. Потому что если я опоздаю, вопросы зададут вам.

Нарзид, держащий факел, хмыкнул и отошел к костру, но первый не унимался.

– Мне о тебе не докладывали.

– И не должны были. О патруле доложили караулу, который стоял до вас. И что теперь? Искать первый пост? Они уже наверняка где-то набивают себе брюхо кашей.

При упоминании еды воин едва слышно сглотнул, и Арлинг понял, что нужно менять тактику. Скорее всего, наемников отправили на смену, когда ужин еще не был готов. И они знали, что дежурный, разносящий ужин по постам, доберется до них не скоро.

– Послушайте, – вкрадчиво сказал он. – Я, действительно, спешу. Черт возьми, да я хочу вернуться до того, как из котла разберут все мясо! А на вашем месте, ребята, я бы

не стал ждать дежурного. Сегодня рыжий, он быстрее собак накормит, чем до вас доберется. Отрастил себе задницу, как горб у верблюда. Ну что? Мне идти искать старшего?

– Да отстань ты от него, Анчар, – протянул второй нарзид у костра. – Пусть идет. Нам бы лучше подумать, как ужин не пропустить. Давай я схожу?

– Нарвешься на старшего, вообще без еды останешься, – буркнул в ответ Анчар.

– Я знаю, о каком рыжем он говорит. Этот пес принесет только воду, все куски себе оставит.

– Тебе бы все жрать, а о том, где мы сейчас, не думаешь? Это же Сикелия!

– Вот именно, и чтобы не помереть с голоду в этом проклятом месте, надо о себе позаботиться. Нам еще полночи стоять, а одним Мокрым Камнем сыт не будешь.

Арлинг кашлянул и легонько толкнул Камо вперед. Верблюд сделал шаг, заставив Анчара попятиться.

– Так я проеду? Скоро уже мои ребята вернуться, а я тут все с вами торчу.

– Проезжай! – махнул рукой нарзид у костра.

Анчар какое-то время еще стоял на пути Камо, но после оклика напарника отошел в сторону. Халруджи коснулся пальцами лба в знак уважения и пустил верблюда бегом. Если бы в армии Маргаджана все воины были такими, как Анчар, у его бывшего друга, возможно, и были шансы добраться до Самрии. Но после двух суток, проведенных в обозе, и сегодняшнего вечера у Регарди появились серьезные сомнения, что Даррен продвинется дальше Муссавората. Дисциплина в армии была слабой.

Преодолев несколько больших барханов, Арлинг выбрал насыпь покрупнее и взобрался на крутой хребет. Опустившись на холодный песок, он прислонился к нему щекой и прислушался. В паре арок раздавалась мерная поступь патруля. Наемники возвращались в лагерь. Уже стемнело, но халруджи все равно уложил Камо на землю. Осторожность в пустыне никогда не была лишней.

Верблюд проявлял чудеса послушания, и Арлинг скормил ему масляную лепешку. С такими темпами их знакомства ему грозило остаться без завтрака. Тем временем, патруль пронесся мимо, оставив после себя запах потных тел, холодной стали и пыльных плащей. Регарди вздохнул, стараясь подольше задержать в себе запахи людей. Возможно, ему еще долго не удастся их встретить.

– Прощай, Даррен, – прошептал он, забираясь в седло. Их дороги вряд ли пересекутся. Халруджи должен быть верен своему господину. Он найдет Сейфуллаха, вернется в Балидет и забудет о том, что случилось. Город возродится. Ведь однажды он уже пережил нападение драганов. Школа Белого Петуха восстанет из пепла, и иман примет его обратно. Все будет хорошо.

Регарди тронул поводья Камо, понимая, что лгал самому себе. И пустыня это знала, отвечая ему тоскливым воем ночного волка.

* * *

Арлинг решил двигаться ночью и большую часть дня, устраивая короткие передышки в полдень, когда солнце поджаривало мир с особенной силой.

Какое-то время он шел без направления, разрешая Камо самому выбирать путь в море песчаных дюн и барханов. Верблюда постоянно тянуло к колючкам и зарослям дырисуна, но Регарди ему не мешал, терпеливо исследуя волнистую равнину с помощью слуха и обоняния.

Порой он завидовал Камо. Его широкие, покрытые мозолями лапы ступали мягко, совсем не чувствуя раскаленной поверхности. Арлингу же приходилось постоянно вытряхивать из сапог вездесущий песок. Иногда ему казалось, что он сам состоял из песка и мог

рассыпаться при первом дуновении ветра. Исчезнуть, как Беркут. Но воздух оставался неподвижным, и только изредка столбы солнечной пыли взвивались к солнцу, окутывая человека и верблюда горячим вихрем.

Арлинг не позволил себе думать о неудаче, даже когда после ночи блужданий так и не нашел тропу, ведущую к старому тракту. Звезды опрокинулись за горизонт, уступив место румяной заре, но она задержалась на небосклоне недолго, растаяв при появлении лохматой головы солнца. Мир замер, не в силах шевелиться от изнуряющего жара. Песчаные гряды тянулись бесконечной чередой. Набредя на корявый саксаул, который совсем не давал тени, Арлинг развьючил Камо и, соорудив защиту от солнца из одеяла и плаща, провалился в сон.

Его разбудил холод, покрывший песок бисером инея, от чего вся пустыня сверкала, словно облитая серебром. Его блеск отражался у него на лице, растекаясь по коже ледяными каплями. Было тихо.

Растирая заочечневшие пальцы, халруджи вспомнил о саксауле, с которого Камо успел объесть всю кору. Наломав сухих веток, он собирался развести костер, когда его внимание привлек новый звук. Источник мог быть только один. Так песчинки скребли по мертвой кости, обглоданной солнцем и временем. Вскоре Арлинг различил и запах – едва слышный, тонкий аромат высушенной кости. Убедившись, что внутри не притаилась змея, Регарди осторожно поднял череп антилопы. Если бы не жара и усталость, накопившаяся после двухдневного путешествия в обозе, он заметил бы его еще вчера, и тогда ночевал бы не на бархане посреди бесконечности, а на дороге, ведущей в Самрию.

Опустившись на колени, Арлинг тщательно исследовал песчаный склон, обнаружив еще один череп, на этот раз, человеческий. Сердце радостно стукнуло, но он вздохнул с облегчением лишь тогда, когда нашел еще несколько костей. Ошибки быть не могло. Регарди заснул всего в нескольких саях от тропы, ведущей к старому тракту.

Любая дорога в пустыне начиналась с костей. Они обрамляли ее, словно бордюрные цветы, заботливо высаженные садовником. Чем крупнее был тракт, тем больше скелетов было насыпано вокруг него. Порой эти кости и черепа были единственными вехами, указывающими направление, так как легкий на подъем песок засыпал все дороги. И в этом заключалась жуткая ирония путешествий по пустыне. В смерти других живые искали свое спасение.

Ночь наступила незаметно. Арлинг брел на север, утопая по щиколотку в песке, Камо уныло плелся следом. Пить хотелось не так сильно, как днем, но о воде думалось постоянно. Регарди был даже этому рад. Пусть лучше его мысли занимает последний оставшийся бурдюк с водой, а не то, как он будет искать Сейфуллаха в Самрии. Утешало то, что Тракт Земли Сех, куда его должна была вывести тропа, начинался со старого колодца, который никогда не пересыхал. Чтобы не потерять направление, он шел пешком, часто останавливаясь и ощупывая песок руками. От источника, где заночевала армия, до старой дороги было не больше трех тысяч селей, и Регарди надеялся, что скоро их с Камо усилия будут вознаграждены.

Если бы иман видел, как его ученик ползал по дюнам, отыскивая на ощупь кости и черепа, он бы его засмеял. Но Арлинга судить было некому. За время жизни в Сикелии Регарди так и не смог научиться доверять пустыне. В шумном городе он чувствовал себя куда увереннее, чем на бескрайних просторах Холустайской пустоши. И хотя в пустыне всегда было тихо, эта тишина только усиливала его восприятие, пугая неизвестными, едва различимыми звуками, о природе которых он даже не догадывался.

Далекие гулы, похожие на вздохи великана, разноголосье вечнодвигающихся песков, шепот солнца на гребнях дюн и отголоски загадочной жизни пустынных обитателей – все это настораживало, тревожило и отвлекало. Запахи были похожи на звуки. Ему казалось, что он чувствовал сухую кочку дырисуна, но стоило дотронуться до нее, как ветер превращал

ее в пучок старого ковыля и, смеясь, проносил траву над его головой. Песком пахло все: небо, солнце, Камо, кости и редкие насекомые, которые встречались в высушенных скелетах. Однажды он перепутал скорпиона с недовитым пауком-фалангой и едва не закончил путь под кустом чингиля.

Такие ошибки огорчали, но настоящую тревогу он почувствовал, когда кости и черепа все-таки вывели его к старому глинистому узбою Холустая, по руслу которого тянулся старый тракт, принадлежащий ранее могущественной империи Сех. Сейчас от нее сохранились лишь воспоминания да дороги.

Оставив Камо ковырять лапой растрескавшуюся почву, Регарди принялся искать колодец. В последний раз, когда они с Сейфуллахом шли по сехскому тракту, он почувствовал воду задолго до того, как взору караванщиков открылся заветный источник.

Арлинг обегал все окрестности, но везде его встречал лишь песок. Раньше источник находился в месте слияния тропы с трактом, но теперь там возвышались одни барханы.

Вернувшись к Камо, халруджи замер от неожиданного открытия: дорога стала уже. Если раньше в сухом русле могли разойтись два верблюда, то сейчас с двух сторон к Камо вплотную подступали пески. И как Арлингу не хотелось верить в то, что колодец засыпало, нельзя было не признать очевидное. Пустыня с завидным постоянством уменьшала шансы человека на выживание.

Легкий приступ паники удалось подавить не сразу. Регарди позволил себе еще некоторое время посмаковать возникшую в голове картинку о том, как Камо несет его высохшее без воды тело, после чего опустился на колени у ног верблюда и тщательно очистил сознание от залетевшей в нее с песком шелухи. Его не должен беспокоить засыпанный колодец. Все что волновало халруджи – это благополучие его господина. Возможно, он найдет Сейфуллаха еще до Самрии. Если Аджухам пришел к этому колодцу без воды, то до следующего источника он мог и не дойти.

Решив быть настолько внимательным, насколько это возможно, халруджи торопливо направил Камо по высохшему руслу. Горбатуму не нравилось идти по глинистому узбою, и он все время пытался свернуть на мягкий песок, но Арлинг твердо возвращал его обратно, ругаясь на то, что духи пустыни дали ему в попутчики такого упрямого верблюда. Порой ему казалось, что Камо все-таки сошел с тракта. Тогда, не доверяя ощущениям, Регарди слезал с верблюда и ощупывал землю руками, чтобы убедиться, что под ногами по-прежнему было глинистое, растрескавшееся русло. С такими темпами передвигаться быстро не получалось. Близился рассвет, а он по-прежнему не нашел ни одного следа Аджухама на тракте.

Иман любил говорить, что ночь в пустыне коротка, словно первый поцелуй возлюбленной. Арлинг мечтал о том, чтобы ночная прохлада длилась вечно, но еще до рассвета горячее дыхание солнца проникло в Сикелию, обещая безжалостный зной в небе и раскаленную почву под ногами.

Решив осмотреться, он оставил Камо в узбое, а сам взобрался на бархан. Внимательно прислушиваясь к ночи, Арлинг старался не пропустить ни одного запаха или звука. В воздухе пахло песком, останками жертв пустыни и древесиной чингиля, ветер едва слышно скреб по гребням дюн, а в зарослях кустарника утроили возню мыши-песчанки. Расслабившись, он постарался не замечать окрестные шорохи и ароматы, сосредоточив внимание на дальних областях.

В нос ударил резкий запах соли, и халруджи задумался о его источнике. Даже соляная река Холустай не пахла так сильно. Гадая, что бы это могло быть, Арлинг вспомнил, как Сейфуллах рассказывал о большом озере соли, которое лежало рядом с трактом. Неужели он дошел до него так быстро? Если это, действительно, было озеро, а не мираж, то где-то рядом должен был находиться второй колодец. Оставалось надеяться, что пустыня не забрала себе и его тоже.

Регарди уже хотел было спускаться к узбою, как вдруг ему пришла новая мысль. От того места, где он остановился, тракт начинал делать большую петлю. Почему бы не сократить путь по соляному озеру? Поразмыслив, Арлинг решил, что идея ему нравится, и повел верблюда с узбою. Камо послушно свернул в мягкий песок, сразу взяв нужное направление.

Слепящую белизну Регарди почувствовал еще издали. Ему она была не страшна, но зрячему пришлось бы здесь нелегко. Идти по озеру предстояло долго. Арлинг остановился на кромке и еще раз внимательно прислушался. Вокруг по-прежнему было тихо, лишь соляная корка слегка поскрипывала под собственной тяжестью.

Камо надоело ждать хозяина, и он толкнул Арлинга мордой в спину. Прицыкнув на верблюда, Регарди шагнул, выставив вперед предусмотрительно захваченную ветку саксаула. Корка была твердая, как камень, и легко держала его и Камо. Не став садиться на горбатого, Арлинг пошел вперед, ощупывая дорогу палкой. Озеру он не доверял так же, как и пустыне.

Ушли они недалеко. Твердая поверхность неожиданно кончилась, и палка проткнула соляной пласт, провалившись в него почти на саль. Впереди под тонкой коркой соли растеклась жидкая грязь. Озеро отпустило палку неохотно, обильно испачкав ее черной маслянистой кашицей.

Крикнув на Камо, халруджи едва успел отпрыгнуть в сторону. Из оставленного палкой отверстия хлынул вонючий фонтан, покрывший нерасторопного верблюда черными комками грязи. Камо испуганно заревел, так как под ногами стала опасно трещать соль, а грязь из фонтана с каждой секундой была все выше. Обругав себя за неосмотрительность и стараясь не делать резких движений, Арлинг стал тянуть верблюда к берегу, чувствуя, что под ногами разбегаются мелкие трещинки.

Это была непростительная ошибка. Сосредоточившись на поисках Сейфуллаха, Регарди не услышал трясины, которая простиралась под соляной коркой на неизвестную глубину. Теперь ее голос раздавался вполне разборчиво. Останавливаться было опасно, возвращаться по собственным следам тоже. Там, где они прошли, корка могла ослабнуть. Осторожно перенося тяжесть с одной ноги на другую, Арлинг направился к берегу, успокаивая Камо всякой ерундой, которая приходила в голову. Если верблюд запаникует и побежит, встречи с трясиной им не миновать.

А сзади продолжал бить фонтан. Арлинг чувствовал, что на блестящей поверхности озера образовалась солидная грязевая лужа, от которой пахло испарениями, солью и затхлыми газами. Шипение фонтана могло привлечь внимание вездесущих керхов, и тогда им с Камо придется туго. На белой поверхности озера они были отличными мишенями для зорких керхских лучников. Халруджи перевел дыхание только тогда, когда под ногами снова закрипел песок. Далеко позади разливалось новое озеро из черной маслянистой грязи. Скоро оно покроется твердой коркой, став отличной ловушкой для путника, желающего сократить путь.

Вернувшись в узбой, Регарди мог только жалеть о потраченном времени и силах, но винить было некого. Снова очутившись на глинистой поверхности русла, Камо взревел. Приключение на озере напугало его не меньше, чем человека.

– Ну и кто из нас трус? – спросил халруджи просто для того, чтобы услышать собственный голос. Камо промолчал и гордо поплыл по барханам.

В тот день им все-таки повезло. Второй колодец оказался на месте, напоив их теплой, слегка солоноватой водой. Арлинг успокаивал себя тем, что Аджухам был опытным караванщиком и наверняка смог дойти до источника.

– Не переживай, мы найдем его, – сказал он Камо и, закутавшись в теплое керхское одеяло, устроился под боком горбатого. Разбивать палатку у него не было ни сил, ни желания. Дорога до столицы Сикелии вдруг показалась бесконечной.

О, пустыня, в чем люди перед тобой виноваты?

Пробуждение было внезапным. Несмотря на свое намерение спать только днем, он проспал всю ночь, даже не заметив, когда наступил рассвет. Арлинг давно не спал так хорошо. Может, Камо чересчур усердно грел его, защищая от ночного холода, или песок был мягким, словно руки Магды.

Луч солнца скользнул по лицу, и в тот же миг что-то сухое и холодное легло ему на лоб, замерев в опасной неподвижности. Мир перестал иметь значение, сократившись до одного вопроса. Успеет ли он сбросить тварь, и если это эфа, успеет ли она пустить в ход зубы?

«Но ты ведь знаешь, что это не эфа», – неожиданно услышал он голос Даррена. Из глубин сознания медленно всплыла морда септора. Змей положил на него треугольную голову, собираясь проползти по лицу, чтобы оставить сочащиеся ядом шрамы. Он умрет, увидев прекрасный дом Нехебая, и рядом не будет знахарей Маргаджана, чтобы его вылечить. Индиговому наплевать, что Регарди в него не верил. Здесь, в пустыне, он был хозяином, а халруджи – так, проходимцем, пылью песчаной.

Сладкий аромат цветочной пыльцы проник в голову, закружившись маленьким вихрем. Арлинг окаменел, слившись с барханом, но громкий хруст, который, казалось, прогремел на всю пустыню, вернул его на землю. Пахло не цветами, а сушеными финиками, которые Камо задумчиво жевал, погрузив морду в одну из сумок. Между тем, холодное тело у него на лбу завожилось, упершись чем-то острым в переносицу. Когти! Страх лопнул, словно пузырь на воде, уступив место желанию закопаться от стыда в песок. Ящерица! Он напугался какой-то ящерицы так, что потерял способность трезво мыслить. Как же он сразу не различил запах ее чешуек и длинный, слегка подрагивающий в воздухе хвост?

Помотав головой, Регарди смахнул тварь и бросился отгонять Камо от сумок. Впрочем, он опоздал, потому что верблюд подъял не только финики, но и весь запас лепешек.

Оставшаяся часть дня прошла без приключений. Так же, как и следующие два. Узбой петлял, поросшие колючкой дюны высились равнодушными громадами, а берега русла порой сужались настолько, что глинистой корки дна было почти не видно. Солнце жгло от восхода до заката, ночью было не легче. С вечера поднимался восточный ветер и взбалтывал раскаленный воздух, не давая ему охладиться.

Пустыня продолжала играть с ним, обманывая при каждом удобном случае. Так, охотясь в зарослях дырисуна на песчанок, халруджи наткнулся на гиену с детенышами. С трудом убежав, он еще долго гадал, как можно было перепутать мышей с хищником.

Собирая в тот же день саксаул для костра, он встретил раненого варана, и это было первое послание от керхов. Арлинг оставил лук и большую часть оружия возле Камо, а обе его руки были заняты ветками. Варан был огромным. Регарди чувствовал, как песок проседал под его тяжестью. Из правого бока ящера торчало две стрелы. Их оперенье слабо подрагивало в такт движениям длинного хвоста, которым варан норовил хлестнуть человека по ногам. Зверь шипел, словно масло на большой сковороде в кухне Аджухамов. Регарди собрался, готовясь к прыжку. Если ящер атакует первым, он кинет в него ветки, а потом свернет толстую шею. Но варан вдруг передумал отстаивать территорию и, развернувшись, убежал, вихляя задом. Жизнь в пустыне была дороже чести.

Оазис, который они с Камо обнаружили на пятые сутки пути, встретил их неприветливо.

Недавно прошедшее стадо ахаров оставило после себя длинный шлейф смрада. Какое-то время Арлинг боролся с желанием добыть к ужину мясо, но, вспомнив, что кучеяры считали ахаров грязными животными, решил довольствоваться корешками чингиля. Внешне ахары были похожи на антилоп, но отличались крупными острыми рогами, которыми умело оборонялись от хищников, и кожистой, свободной от шерсти, полоской на спине. Во время опасности из этой полоски выделялся самый отвратительный запах в мире. Он был тягучим,

густым и полным смерти. Так пахли трупы после недельного лежания в сточной канаве. Ахары отравляли им все – воздух, почву, растения. Смерд подолгу задерживался в местах, где прошло стадо, отпугивая все живое.

Иман рассказывал, что ахары были посланы в изгнание вместе с Нехебкеам, и с тех пор они, как и Совершенный, тоже искали дорогу домой, мигрируя по пустыне от оазиса к оазису и оставляя после себя запах разочарования и печали. Арлинг не мог согласиться с иманом, что трупы пахли печалью, но старался держаться от ахаров подальше.

Вонь рассеялась не скоро, и какое-то время Регарди шел, закрыв нос головным платком. Первым встревожился Камо. Заревев, горбатый резко свернул в сторону, едва не опрокинув халруджи, который держал его за узду. Арлинг не слышал подозрительных звуков, но, принявшись, понял, что взволновало верблюда. Вода. Большая свежая лужа манила ароматами влаги, сверкая прекрасным алмазом посреди дорожной пыли.

Отпустив Камо, который немедленно припал к воде, халруджи собирался последовать его примеру, когда вдруг почуял еще один запах. На этот раз пахло кровью, а еще – тыквенным маслом, который был слабее, но все же улавливался. Это были запахи людей, которые совсем недавно проходили оазис. А некоторые, возможно, так из него и не вышли.

Опустившись на землю, Арлинг тщательно обнюхал песок вокруг лужи. Зловоние ахаров путало запахи, но, проявив терпение, он сумел восстановить след. Теперь Регарди чувствовал и керхов. Дети пустыни побывали здесь недавно, ночью или даже утром, но задерживаться не стали. Возле лужи их запахи были едва заметны, а вот ближе к тракту усиливались. Кочевники очень спешили и даже не стали поить верблюдов. Регарди не чувствовал, чтобы песок у воды топтали другие горбатые. Причина могла быть простой. Керхи всегда торопились, когда пахло наживой. Скорее всего, они кого-то преследовали, и возможно, в оазисе их погоня закончилась.

Халруджи выпрямился, позволив запаху крови наполнить себя. В том, что керхи ушли, он не сомневался. Растительность вокруг источника была скудной и не могла спрятать в себе кочевников. Засады можно было не опасаться.

Оставив Камо у воды, Регарди отправился по следу, стараясь не давать воли воображению. Ведь в пустыне бродил не только Сейфуллах. В песках людей полно – и живых, и мертвых.

Идти пришлось недолго. Сразу за зарослями тамариска и чингиля, он наткнулся на засыпанное песком кострище. Рядом валялись сумки, нехитрая утварь и тряпки, которые на проверку оказались одеждой. От нее-то и пахло кровью. Наверное, керхи настигли путников в оазисе и забрали с собой. Кочевники уводили не только живых и раненных, но и мертвых. Никто не знал, что они с ними делали. Те керхи, которые приезжали в кучеярские города торговать одеялами и верблюжьей шерстью, о своих традициях не распространялись.

Одежду Арлинг проверил тщательно. Ему показалось, что один платок пах Сейфуллахом, но запах был слабый, и халруджи не смог понять, был ли он реальным, или у него разыгралось воображение. Пожевав ткань платка и побродив вокруг костра, Регарди задумался. Аромат тыквенного масла по-прежнему витал в воздухе, но он не нашел ни одного предмета, который бы им пах. Подняв голову, Арлинг повел носом по ветру. Возможно, отдохнуть в оазисе ему не придется.

Решив, что с горбатым его могут заметить керхи, халруджи с трудом оторвал Камо от воды и спрятал его в тамарисковых зарослях. Верблюд недовольно заревел, но Арлинг быстро скрылся, прихватив с собой лук и саблю.

Голос разума упрямо твердил о том, что тыквенным маслом могло пахнуть из кувшина, который кочевники отобрали у путников, а потом выбросили за ненадобностью где-нибудь в окрестностях. Но этот запах мог принадлежать и человеку. Опытные караванщики часто

мазали им пятки, считая, что оно спасало от ночного холода. Как бы там ни было, Арлинг знал, что не сможет спокойно отправиться дальше, не найдя источника аромата.

Близились сумерки, и тени в пустыне удлинились. Внезапно поднявшийся ветер взболтал все запахи в хаотичную смесь, издеваясь над его попытками найти след тыквенного масла. Решив, что у него нет времени на споры с ветром, Регарди решил пойти другим путем. Если пахло от человека, то помимо запаха от него должен был исходить еще и звук. Все люди шумели, даже самые осторожные.

Приблизившись к могучему склону бархана, он осторожно лег на него, прислонившись ухом к песку, и стал слушать. Арлинг никогда не понимал тех, кто считал Сикелию мертвой и бесплодной пустошью. Подземная возня насекомых, грызунов и мелких ящериц почти оглушала, но Регарди заставил себя обратить внимание на поверхность. Камо продолжал топтаться в зарослях тамариска, и его движения казались крохотными землетрясениями, срывающими лавины песчаной пыли с окрестных барханов.

Привыкнув к этим звукам, халруджи принялся слушать дальше. Стук сердца стал тише, дыхание успокоилось. Его тело уже не лежало на бархане. Оно парило над бескрайней равниной на крыльях жаркого ветра. Вот, керхи. Они далеко – на расстоянии нескольких десятков арок. Спешат к своим, чтобы разделить радость добычи. Однако источник масляного аромата должен быть ближе. В десятке салеи от Арлинга метнулась стрелой быстрая эфа. У нее на ужин будет песчанка. А вот ползет паук. Похоже, это каракурт. Солнце почти село, и он тоже решил подкрепиться. Мохнатолапый еще не знает, что недалеко в песке устроила ловушку хитроумная ящерица. Хотя, возможно, ему повезет, и его не тронут. Яд каракурта был в десятки раз сильнее укуса гремучей змеи.

И тут Арлинг понял, что уже несколько минут слышал, как что-то шевелился по другую сторону бархана, на котором он лежал. Пять или шесть пар топчущихся на месте лап, шлепанье мягких губ, равнодушно сдирающих кору с саксаулов, вялые помахивания хвостом...

Регарди вскочил на ноги и мгновенно взлетел на гребень бархана. Подлый ветер, смеясь, сыпанул ему в лицо пригоршню песка, едва не опрокинув назад. Проглотив горсть песчаной пыли, халруджи выругался. Где его осторожность?

В саксауловых зарослях за песчаным холмом паслись чьи-то верблюды. Припав к земле, Арлинг еще долго выискивал следы хозяев, но, похоже, горбатые были одни. Прошло еще около получаса, прежде чем он решился к ним подойти. Верблюды были развьючены, но их ноги спутаны. Наверное, когда керхи напали, горбатые оторвались от привязи, но далеко убежать не смогли. Найти ничейных домашних дромадеров в пустыне было подобно тому, чтобы наткнуться на клад с золотом, но источника запаха он по-прежнему не чувствовал. Правда, от одного горбатого слабо пахло чем-то похожим, но запах был такой же, как и от платка: то ли настоящий, то ли вымышленный.

Снова подул ветер, и саксауловые заросли заскрипели, простирая по сыпучей земле корявые руки-ветки. Надвигалась ночь, и ему пора было возвращаться к Камо. Что ж, хоть в чем-то ему повезло. За животных в Самрии можно будет выручить неплохие деньги.

«Если у тебя их не отберут керхи», – поправил себя Регарди. Он принялся освобождать от пут первого верблюда, когда новый порыв ветра едва не утопил его в запахе тыквенного масла. Аромат накрыл его с такой силой, словно рядом раскинулось целое масляное озеро. А вместе с запахом ветер принес крики, которые сразу пропали, как только зашумели заросли оазиса. Но халруджи был уверен, что это не слуховые галлюцинации.

Взобравшись на самый высокий бархан, какой удалось найти в округе, он превратился в слух, перестав даже дышать, и скоро его усилия были вознаграждены. Где-то кричал человек, звал на помощь на чистом драганском языке. Ловушка керхов? Слуховой мираж? Шутка Нехебкая?

Но вот голос утих, и в пустыне снова наступила тишина. В голове мелькали сценарии самых разных вариантов событий, но Арлинг уже мчался к Камо, не желая упустить ни мгновения.

Горбатый его появлению обрадовался. Наверное, опасался, что ему предстояло ночевать в оазисе одному, и как-то решать проблему с хищниками. Что бы там ни было в его лохматой башке, но на колени он опустился послушно. Когда крики возобновились, Арлинг был уже в пути, изредка шипя на верблюда. Ему казалось, что Камо бежал очень шумно. Не стоило выдавать своего присутствия раньше времени. Теперь он смог определить, что кричащих было двое, и они не сходили с места. Возможно, были ранены и не могли двигаться. Однако для раненых драганы кричали слишком громко.

Чувство осторожности заставило его оставить Камо в сотне салея от места, где слышались призывы о помощи. Оставшуюся часть пути халруджи проделал ползком, стараясь как можно меньше тревожить легкий песок и держаться в тени барханов, подальше от заливающего пустыню лунного света. Тыквенный запах был настолько сильным, что сомнений быть не могло. Пахло от кого-то из кричавших.

Халруджи чуть не подавился зажатой в зубах джамбией, когда вдруг услышал знакомый шепот.

– Чего замолчали? В раю будете отдыхать, кричать надо громче и дольше, иначе нас сожрут волки еще до того, как мы успеем поджариться на солнце. Я видел, как они это делают. Сначала объедают уши, потом высасывают глаза, обглаживают носы...

– Хватит, замолчи! – воскликнул кричавший до этого голос, но Сейфуллах не унимался:

– Проклятье! Не может быть, чтоб все керхи оглохли! Похоже, песок забил им уши до самых мозгов. Мы кричим уже весь день, а все без толку. Давайте, ребятки, если замолчим, то подохнем сразу. Я вам это обещаю.

Арлинг медленно поднялся. В голове поселилась только одна мысль: «Аджухам жив!», но заставить себя тронуться с места оказалось чертовски трудно.

– Эй! – вдруг закричал Аджухам. – Там кто-то есть, на бархане.

– Да нет никого, мерещится тебе.

– Собачий сын, рано еще для галлюцинаций, – выругался кучеяр и снова принялся понукать драганов, неизвестно как с ним оказавшихся.

– Сейфуллах, не пугайся, это я! – хрипло крикнул Арлинг, неловко скатываясь с бархана.

Но вместо радостного приветствия или отборных ругательств, все трое заорали:

– Стой! Здесь зыбучие пески!

Арлинг едва успел отпрыгнуть, почувствовав, как песок мягко обволакивает сапог, поглощая его в себя. Прочертив ногой полосу, отделяющую твердую поверхность от предательской трясины, Регарди облокотился руками о колени, чувствуя, как бисеринки пота стекают со лба, впитываясь в платок на глазах. Он столько слышал о зыбучих песках, что предпочел бы иметь дело с бандой керхов, чем с прожорливой пастью пустыни. Кучеяры говорили, что в зыбучих песках пропадали целые караваны, а потом из-под земли еще долго слышались душераздирающие вопли. В сказки Арлинг не верил, но угрозу, исходившую от песка в паре салея от него, ощущал всей кожей.

– Проклятье, – выругался он. – Ты давно там?

Сейфуллах не ответил, но халруджи слышал его тяжелое дыхание. Может, его засыпало по грудь, и он вот-вот задохнется? Почему молчит? И что ему, Арлингу, теперь делать? Иман рассказывал, что человеческую силу нельзя сравнить с мощью зыбучих песков. И как осторожный Сейфуллах угодил в песчаную ловушку? Вопросы – это хорошо. Они заполняли голову, не давая места панике.

– Вытащите нас, добрый господин! – затянул драган, которого Регарди услышал первым. – Мы сидим здесь с самого утра! Еще немного и...

– Молчи, – вдруг прервал его Сейфуллах. – Это посланник пайриков, с ним нельзя говорить! Уж лучше сидеть в песках, чем попасть в его лапы. О, великий Омар, развежь злые чары пустынного ветра, дай верным слугам силы противостоять злу Негивгая! Забери этого мертвеца обратно в свои уголья! Он хорошо служил мне при жизни...

– И хочет послужить тебе после смерти, – усмехнулся Арлинг, удивляясь тому, как легко пришли нужные слова. – Это я, господин. Простите, что так долго искал вас. Простите. Как же тихо этой ночью в пустыне. И где ветер, когда он так нужен?

– Вот же сукин сын! Да тебя не так-то легко отправить на тот свет! – Сейфуллах вдруг захохотал, но на него зашикали драганы:

– С ума сошел? Не дергайся, а то нас затянет еще глубже!

Смех Аджухама перешел в бульканье, а потом и вовсе прекратился.

– Ну вот, теперь я сижу здесь по грудь. И все из-за тебя, халруджи.

Он замолчал. Молчал и Регарди, так как слова вдруг сбились в клубок, и он никак не мог найти конца, чтобы его распутать.

– Псы пожрут тебя, халруджи, если это ты! – вдруг заорал Сейфуллах. – Чего стоишь? Еще немного и из замороженного мяса, мы превратимся в печеное. Давай, вытаскивай нас отсюда! Надеюсь, у тебя с собой есть веревка.

Веревки у него не было. И идей тоже. Нужно сосредоточиться. Это еще не конец. Всего лишь пески. А зыбучими их называли трусы.

– Пить хочешь? – спросил он первое, что пришло в голову. Мыслей о том, как вытащить людей из песка, в ней все равно не было.

– Да! – закричали все разом, и Арлинг обрадовался, что хоть чем-то может помочь.

Прицелившись туда, где раздавался голос Сейфуллаха, он размахнулся и швырнул бурдюк с водой. Судя по звуку, мешок врезался прямо в мальчишку.

– Здорово, – проворчал Аджухам. – Хоть от жажды мы не помрем.

– Я что-нибудь придумаю, господин, – прошептал халруджи, пытаясь нащупать хоть одну разумную мысль. Увы, ее не было.

– Да ты не торопись, у нас целая ночь впереди, – ехидно произнес Сейфуллах. – А к рассвету песок станет коркой, и ты сможешь вырезать нас саблей. По кусочкам. Что ты замер, как истукан, идиот? Ищи веревку! Недалеко отсюда есть оазис, где на нас напали керхи. В нашем лагере была веревка. Если они не забрали ее, то нам повезло.

Арлинг не помнил, чтобы среди разбросанных в оазисе вещей, была веревка, но возможно, он просто ее не заметил. Это была надежда, хотя он по-прежнему не представлял, как будет тащить троих людей из зыбучих песков, обладающих смертельной хваткой.

– Господин, я мигом, – крикнул он, едва не добавив, чтобы Аджухам никуда не уходил. – Через полчаса начинайте кричать, так я быстрее вас отыщу.

– Ты уж поспеши, – проворчал Сейфуллах – Не хотелось бы, чтобы керхи нашли нас первыми.

Это было веское замечание, и Регарди помчался обратно к Камо. Время утекало сквозь пальцы, как песок. Кто знает, сможет ли Сейфуллах кричать, когда он вернется.

Дорога в лагерь показалась кошмарным сном. Подстегиваемый нагайкой, Камо недовольно ревел, бледные звезды с безумной скоростью проносились по небу, пустыня тревожно шептала в спину: «Не успеешь!».

На этот раз вонь ахаров, которая все еще стояла в оазисе, его обрадовала. При появлении халруджи от водопоя испуганно отбежал джейран, но больше в зарослях чингиля и тамариска никого не оказалось. Отыскав кострище, Арлинг начал лихорадочно перебирать раскиданные вещи, ругаясь на грызунов, которые уже успели в них похозяйничать. О, боги!

Амирон, Нехабкай, Омар! Пусть веревка окажется в этих чертовых тюках! Или вон в тех, разбросанных под пальмой. Если он найдет ее, то помолится всем троем. А может, ее засыпало песком под этим кустом заразиhi? Проклятье! Если веревка и была, то кочевники наверняка забрали ее с собой. Может, связать одежду? Насколько ее хватит? А еще можно оборвать кору с пальмы. Он слышал, что некоторые керхские племена делали из нее отличные канаты.

Мысли лихорадочно заметались и сбились стайкой вокруг Камо, который недовольно скреб лапой по песку, пытаясь дотянуться до лакомого побега заразиhi, висящего слишком высоко. Для верблюда он был слишком прожорливым. Точно, верблюды! У них были спутаны веревкой ноги. Как же он сразу не догадался!

Оседлав Камо и направив его к саксауловой роще, Арлинг отчаянно пытался вернуть спокойствие. И куда подевались мудрые слова из книги Махди? Где пустота в его сознании? Где сосредоточенность и готовность к победе? От волнения он едва не потерял едва заметный аромат тыквенного масла, которым так удачно намазался Аджухам. Легкий ветер тревожил песок, смешивая запахи, и Регарди приходилось часто останавливаться, чтобы припасть ухом к земле и определить направление. Наконец, он услышал верблюдов, но вместе с ними различил и керхов, которые плутали где-то рядом. Похоже, они тоже искали горбатых. Нужно было торопиться. Арлинг не был уверен, что справится с десятком кочевников в одиночку. Силы пока еще были не на его стороне.

Наконец, поблизости заскребли корявые ветки саксаулов, и Камо поприветствовал сородичей глухим ревом. Только теперь Регарди понял, как ему повезло. Силы четырех верблюдов должно было хватить, чтобы вытащить людей из песочного плена.

Аджухам заметил его первым и радостно захрипел, велев драганам заткнуться.

Подведя верблюдов к краю песков, Регарди бросил ему сложенную втрое веревку. Длины едва хватило, но Сейфуллах сумел обвязать ее вокруг пояса. Когда Арлинг стал связывать верблюдов поочередно, выстраивая их, как в караване, люди замолчали. Страх был опасным противником, но бороться с ним каждому предстояло в одиночку. Песок держал крепко, и Регарди чувствовал, как туго натянулась веревка. Горбатые слушались неохотно, и лишь один Камо сразу понял, чего от него хотели. Арлинг схватил поводья первого в цепочке животного и направился вверх по дюне.

С таким же успехом можно было пытаться вытащить каменный тополь, когда-то росший в саду имана. Куда лучше подошли бы мулы или ослы, но у него были только упрямые верблюды и очень небольшой запас времени. Если он не вытащит их до рассвета, пустыня превратится в раскаленную жаровню. Драганы и Сейфуллах подгоняли дромадеров криками, швыряя в них песок, но как только горбатые чувствовали натяжение веревки, то сразу же отступали. Как-то иман сказал ему, что упершийся верблюд стоил десяти ослов, и сейчас Арлинг полностью в этом убедился.

– Попробуй приманить этих чертовых тварей, – предложил Аджухам. – Поторопись, халруджи! Я уже ног не чувствую.

Лихорадочно поискав, чем можно было соблазнить горбатых, Регарди не нашел ничего лучше молодых побегов саксаула. На добычу лакомства, которое росло слишком высоко для верблюдов, халруджи потратил еще четверть часа, но это подействовало. Потянувшись за побегами, горбатые двинулись, но Сейфуллах истошно завопил, что сейчас разорвется, и ему пришлось остановиться.

– Не кричи так! – разозлился он, вытирая о штаны вспотевшие от волнения руки. – Я стараюсь! Но если вы будете кричать, то сюда нагрянут керхи, и тогда рассвет не встретит никто.

Верблюды словно разгадали уловку, и все его повторные попытки заманить их наверх угощением игнорировали. Потеряв терпение, Регарди выбрал саксауловую ветвь пожестче и принялся стегать животных по мягким крупам, едва не оглохнув от их рева. Это подей-

ствовало лучше уговоров. Верблюды помчались наверх так быстро, насколько им позволял вырванный из песочного плена Аджухам.

Арлинг погнался за ними следом, но напуганные животные порвали веревку и бросились в разные стороны, едва не разодрав Сейфуллаха на части. Развязав его и оставив лежать на гребне дюны, Регарди вернулся к драганам, которые при виде успешного спасения Аджухама обрели второе дыхание и принялись кричать с новой силой. Арлинг с трудом преодолел желание оставить их в подарок керхам.

Найти и собрать верблюдов оказалось легче, чем починить испорченную веревку. Еще некоторое время было потрачено на то, чтобы согнать упирающихся животных к кромке опасных песков. Длины веревки едва хватило, чтобы обвязать одного драгана. О том, чтобы вытащить сразу обоих, думать не приходилось. Верблюды глухо ревели, норовив укусить его за голову, но колючая саксауловая ветвь, от которой не защищала даже длинная шерсть на крупе, действовала лучше уговоров. Песок держал людей крепко, не желая расставаться с добычей. Драганы мужественно терпели, хотя Арлингу не раз казалось, что еще немного, и он услышит звук ломаемых костей и рвущейся плоти.

Когда второй драган, наконец, оказался на свободе, шерсть на боках животных была изорвана в клочья, а глухой рев боли и глубокой обиды на человека еще долго стоял в ушах халруджи. Пожалуй, до конца путешествия от верблюдов ему стоило держаться подальше. Камо его точно не простит.

И почему отношение какого-то горбатого волновало его больше того, что сейчас чувствовали Аджухам и драганы? Наверное, его сердце выжгла пустыня. Иман говорил, что в песках рано или поздно это случалось со всеми.

Пробуждение было внезапным. Арлинг не помнил, как они добрались до оазиса, но был уверен, что спать не собирался. Багряный лоб солнца уже показался над равниной Сикелии, но воздух еще был полон ночного холода. Он бодрил и дарил надежду.

Регарди перекатился под куст чингиля и тщательно прислушался, выискивая признаки опасности. Впрочем, все было тихо. Оазис шумел влажными от росы листьями заразихи и пах мокрой шерстью привязанных неподалеку верблюдов. От лужи, ставшей матерью скудного очага жизни посреди бескрайней пустыни, поднимались душные испарения, которые тут же исчезали в нагревающемся утреннем воздухе.

В двух шагах от него лежал Сейфуллах, живой, хоть и изрядно потрепанный дорогой. Чуть поодаль храпели драганы, которые неизвестно как оказались в зыбучих песках вместе с Аджухамом. Ими он займется позже, причем обратит на них самое пристальное внимание. Если они были лазутчиками Маргаджана, его клинок отправит их к Амирону. Но сейчас его интересовал только Сейфуллах.

Стараясь двигаться как можно тише, он подкрался к спящему и уселся рядом на колени. Мальчишка дышал глубоко, но сон его был беспокойным. От него пахло песком, усталостью, тыквенным маслом, которое не могло перебить вонь немытого тела, но сильнее всего – кровью. К счастью, не его собственной. Арлинг мог только гадать, сколько жизней унесла сабля Аджухама, пока его не пленили коварные пески Сикелии. Проведя пальцем по плавному изгибу клинка, он отметил, что на лезвии не было ни царапины. Сейфуллах всегда хорошо заботился об оружии. Где же остальные кучеяры? Погибли от стрел керхов и мечей драганов?

– Убери руки от моей сабли, – прошептал Сейфуллах, пронзая его взглядом.

Арлинг почтительно склонил голову, но не смог сдержать улыбки. Он только сейчас понял, какой камень свалился у него с души. Встретить Аджухама в бескрайней мозаике Холустая было настоящим чудом.

– То, что положено у вашей головы, господин, может быть воткнуто вам в сердце. Я бы не стал доверять этим драганам.

Сейфуллах уставился на него, но прежде чем он открыл рот, Регарди подsunул ему бурдюк с водой, и мальчишка замолчал надолго. Слушая, как он жадно пил воду, халруджи наслаждался. Ему казалось, что с появлением Аджухама мир снова ожил. Как и прежде, он будет заботиться о его благополучии и находить в этом смысл и цель жизни. До тех пор пока его служение не будет закончено. И если иман не найдет его, пусть оно длится вечно.

Но тут Аджухам допил воду и все испортил:

– С чего ты взял, что эти драганы лучше тебя? А вдруг ты шпион Маргаджана?

– Мне уйти?

Ответ был неправильным, и Арлинг запоздало прикусил язык. Ведь мальчишка мог согласиться.

Сейфуллах приподнялся на локте и, фыркнув, швырнул ему бурдюк.

– Мне кажется, или я слышу в твоём голосе недовольство? Ты обвиняешь меня в том, что я попался у тебя на пути? Встал на твоей дороге к просветлению?

– А может, это я помешал вашему подвигу по спасению Балидета?

– Ох, прости, я забыл о твоей любимой книге, халруджи! Что там говорил старик Махди? У него всегда было что сказать. Заботься о господине, как о своем теле, или отправляйся глотать песчаную пыль? Ничего не перепутал? Чего ты от меня ждал? Думал, я обрадуюсь тому, как ты крадешь всякие безделушки у моего врага и выставляешь меня на посмешище?

– Какого дьявола вы отправились в Самрию? – парировал Регарди, не обращая внимания на уколы Сейфуллаха. – Думаете, наместник вам обрадуется? Поверьте моему слову, регулярная армия останется в Самрии, пока не придет помощь из Согдари. И даже если Канцлер пришлет войска, то Сейфуллаха из Балидета никто слушать не будет! Покидать город было глупо!

– Вот бы и оставался там со своими друзьями-драганами, – проворчал Аджухам, с крихтением поднимаясь на ноги. – Уверен, тебя там не обижали. Зачем пришел? Боялся, что без меня не разберешься со смыслом жизни?

Арлинг сжал зубы. Сейфуллах умел наступать на больное.

– Драганов в городе уже нет. Маргаджан на пути к Муссаворату, а наместником в Балидете остался ваш отец. Там все по-прежнему. Если бы вы не сбежали, вас не лишили бы кадуцея. Подумайте, станет ли Белая Мельница прислушиваться к мнению какого-то мальчишки, который даже права голоса не имеет!

– Я тебе не говорил о Мельнице, – злобно сказал Аджухам, роясь в сумках в поисках еды.

– Не трудно догадаться, – Арлинг подошел к Камо и вытащил из седельных торб пару клубней заразики, которые он выкопал накануне. Все равно есть было больше нечего. – А у кого вам еще просить помощи? Не думаю, что вы всерьез рассчитывали на наместника Самрии. Только все это пустое. Романтика и юношеские страсти. Ничего не исправить. Пусть все идет так, как идет. Надо успокоиться и вернуться домой. Вот, что я думаю.

– Домой?! – от возмущения Сейфуллах едва не подавился куском заразики. – У меня нет дома! Ты вообще не знаешь, о чем говоришь. Что для тебя Балидет, драган? Что тебе наша жизнь? Твое служение халруджи не отличается от песка под моими ногами. Сейчас ты здесь, а в следующий миг – там, за барханом. Ты клялся мне в верной службе, но за моей спиной всегда делал то, что было нужно только тебе. Я никогда не забуду того чертова кинжала!

И септорию тебе не прощу. Иман допустил большую ошибку, что посвятил тебя в наши таинства. Лучше бы ты никогда не приезжал в Сикелию!

– Альмас правильно сделала, что отдала вам кольцо. Она достойна лучшего мужа.

– Ах ты, пес паршивый!

Они уже давно ругались в полный голос и не заметили, как драганы проснулись, с любопытством прислушиваясь к их ссоре.

– Кто этот человек, Сейфуллах? – не выдержав, спросил один из них.

Арлинг с Аджухамом замерли друг против друга, с трудом переводя дыхание. Регарди только сейчас заметил, что его кулаки сжаты, а ноги приняли боевую стойку. Он давно не чувствовал себя таким злым. Опомнившись, халруджи запоздало сделал шаг назад, но сказанного было не вернуть.

– Кто это? – переспросил Сейфуллах и задумался.

В воздухе повисла напряженная тишина. Ее можно было кромсать на куски и складывать в причудливые фигуры. Регарди понял, что с нетерпением ждет того, что скажет Аджухам. Действительно, кто он?

Но ответить Сейфуллах не успел. С неожиданной четкостью Арлинг вдруг осознал, что чувствует керхов. Запахи детей пустыни, их верблюдов и оружия ощущались совсем рядом. Кочевники уверенно приближались в сторону оазиса, но их появление не удивляло. Пустыня не прощала беспечность.

– Керхи! – крикнул халруджи, бросаясь распутывать верблюдов.

Лишних слов не потребовалось. Сейфуллах и драганы тут же присоединились, наспех собирая раскиданные вещи. Из оазиса они летели так, словно за ними гнались пайрики. В пустыне было две беды: самумы и керхи. И если от первых можно было укрыться, то от вторых спасение было только в бегстве. К счастью, верблюды успели отдохнуть и бежали хорошо. И хотя Арлинг получил пару болезненных укусов от Камо, к тому времени как кочевники ворвались в оазис, они были уже далеко.

Сухой узбой тракта верблюды встретили недовольным ревом. Регарди остановился первым, и долго прислушивался, выискивая керхов. Но вокруг лишь звенел песок, да шептал песни ветер. Им повезло – дети пустыни их не заметили. Впрочем, расслабляться было рано. Впереди лежало много арок пути по землям кочевников. Им придется проявлять чудеса бдительности, если они не хотят закончить свое путешествие рабами. Тракт Земли Сех был самым коротким путем в Самрию, здесь через каждую сотню салея встречались оазисы и колодцы и почти никогда не бушевали самумы. Но, несмотря на все это, караванчики предпочитали дорогу через Муссаворат, проходя длинные участки пустыни, где хозяйничали песчаные бури, а колодцы встречались крайне редко. Керхи были страшнее самумов и безводных песков.

Оставшуюся часть дня путешественники провели в молчании. Арлинг постоянно ощущал на спине недовольный взгляд Сейфуллаха, но говорить им было не о чем. Драганы плелись последними, изредка перебрасываясь короткими фразами. Они ругали пески, солнце, керхов и какого-то Евгениуса, которого за что-то должна была настигнуть кара Амираона. Жара тоже не способствовала общению. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Регарди следил за драганами, слушал пески и старался не упасть с Камо, который еще злился на него после зыбучих песков и раскачивался сильнее обычного.

Напряжение спало с появлением первых звезд. Воздух остывал, проясняя мысли и чувства. Ночлег решили устроить недалеко от тракта. Все равно прятаться от керхов среди барханов было бессмысленно.

Предоставив Сейфуллаху устройство лагеря, Арлинг отправился на охоту. Больше всего ему хотелось побыть в одиночестве. Впрочем, далеко отходить он не стал, стараясь не упускать из внимания драганов и мальчишку. Первым он не доверял, а второго боялся.

Страх перед Сейфуллахом появился внезапно, но возрастал с каждой минутой, пока он выслеживал что-нибудь съедобное в холодеющих песках.

Чтобы охотиться в пустыне, нужно было обладать поистине звериным терпением. Сейчас у Арлинга его не было. Слушая, как Сейфуллах мирно переговаривался с драганами и разводил костер из верблюжьего помета, он бесился, проклиная себя за глупость и слабость. Зачем было говорить про Альмас? Пропустив несколько жирных пауков и пару песчанок, он с трудом заставил себя сосредоточиться. В сумках еще оставалась пара черствых лепешек, но четверем людям их было мало.

От костра уже давно вился манящий аромат чая, когда халруджи, наконец, удалось поймать ящерицу. Добыча была небольшой и легко умещалась в ладонях, но из нее можно было сварить суп.

При его появлении оживленный разговор оборвался. Проигнорировав всех, халруджи достал котелок и, сев поодаль, занялся ящерицей. Повар из него был плохой, но он на него и не нанимался. Пока Сейфуллах не разорвал клятву, он был его халруджи. А халруджи должен был накормить господина, когда тот хотел есть. В животе у Аджухама бурчало уже давно.

Некоторое время Сейфуллах наблюдал за ним, но потом не выдержал и решительно отодвинул от котелка, из которого поднимался не слишком аппетитный запах. Это было мудрое решение. Кроме Аджухама, который, будучи опытным караванщиком, знал, как приготовить изысканное угощение даже из пресного клубня заразиhi, спасти ужин больше было некому.

Не став возражать, Регарди наполнил чаем потертую кружку, которую нашел в сумках Камо, и, усевшись на свернутое одеяло, вытянул ноги. Думать и говорить не хотелось. Усталость робко коснулась его плеча, но он отмахнулся от нее, уткнувшись в чашку и запретив себе расслабляться. Пустыня только этого и ждала. Чай у Аджухама получился на славу. Каждый глоток был похож на маленькое счастье. Может, такое оно и было – счастье? Внезапное и неожиданное, в окружении бурь и гроз, готовых разыграться в любой момент и развеять туман заблуждений, чтобы показать правду. Все будет хорошо. Только, может быть, не сейчас.

– Ты откуда?

Голос драгана вернул его на землю, и Арлинг едва не обернулся. Иногда старые привычки еще смеялись над ним. Один из новых друзей Аджухама опустился рядом, с любопытством разглядывая повязку на его лице.

– Из какого города спрашиваю? Ты кажется слепой, а не глухой.

Шутка показалось ему смешной, и драган зашелся хриплым, срывающимся смехом.

– Не лезь к нему, – вмешался второй драган. – Не хочет говорить – его право. Но познаться надо, идти вместе еще долго. К тому же, он нам жизнь спас. Вот только предложить нам тебе нечего, парень. Мы каргалы. Слыхал, наверное?

Больше всего халруджи хотел, чтобы его оставили в покое, но Сейфуллах бросал в их сторону подозрительные взгляды, и пришлось ответить. После ссоры в оазисе, Арлингу не хотелось его злить.

– Волшебные земли ищите, – кивнул он. – Сочувствую.

На самом деле ему было наплевать на драганов, но он старался быть вежливым. И где Аджухам нашел каргалов? В Балидете их никогда не было. И снова прошлое заскреблось в двери его некогда прочной крепости.

Каргалов придумал его отец, канцлер Согдарийской империи и ее настоящий правитель, умело прятавшийся за хилыми плечами сумасшедшего императора. Элджерон Регарди не мог смириться с тем, что границы его державы уперлись в неприступные горы Гургарана и потратил немало лет, чтобы найти путь в страну царя Негуса, легенды о которой давно

ходили по Сикелии. После встречи с Маргаджаном и его рассказа о переходе через Гургаранский хребет, Арлинг по-другому смотрел на эту кучеярскую сказку, но времени все обдумать и отделить правду от лжи у него не было.

Каргалы были преступниками, которых ожидала смертная казнь или пожизненная каторга. Но у них был шанс изменить свою участь и добровольно отправиться в сикелийские пески на поиски дороги в легендарное царство. Им было запрещено заходить в города и пересекать южную границу Сикелии. Только вперед, на восток, к Гургарану. Когда император подписал приказ, от желающих найти сказочный рай не было отбоя. Количество смертных казней резко сократилось, а рейсов тяжелых груженных преступниками навах, следующих в Самрию, увеличилось.

Но хорошего конца у кучеярской легенды не было. В Сикелии вообще было мало добрых сказок. Почти все каргалы заканчивали свой путь в плену у керхов, попадая на рабовладельческие рынки или алтари кочевников. До раскаленных песков безводного Карах-Антара добирались немногие, а неприступные скалы Гургарана видели единицы. Большинство каргалов тайком пробирались в какой-нибудь сикелийский город и проводили остаток дней, скрываясь от стражи.

В Балидете Арлинга часто принимали за каргала, пока его повязка слепого не примелькалась стражникам. У всех каргалов на животе была метка, оставленная сланцевой кислотой: большое, расплывчатое пятно синего цвета. Бесследно уничтожить его было невозможно. Зря Сейфуллах связался с каргалами. Если они прибыли в Сикелию недавно и честно искали земли, которых не было, тогда, возможно, им еще по пути. По крайней мере, до выхода из Холустайских песков. Но если они скитались давно... Халруджи предпочел бы зарезать их прямо сейчас, чтобы однажды не проснуться утром со своим же кинжалом в горле.

– Ага, ищем, – усмехнулся драган, который подошел к нему первым. Кажется, его звали Елем. – Перед Самрией свернем на восток, а дальше как Амирон приведет. Все лучше, чем на иштувэгских рудниках спину гнуть.

– Нас высадили в Хорасоне два месяца назад, – вставил второй каргал. – Пятьдесят человек. Через месяц осталось двадцать, еще через пару недель дюжина. Когда мы встретили Сейфуллаха с его ребятами, нас было шестеро. Я наивно думал, что хуже уже не будет, но керхи устроили засаду у Холустайского озера. Бежать удалось только тем, кого ты вытащил из песков. Мы пока не дошли даже до Карах-Антара, но знаешь, что я понял? Мы еще живы, черт возьми! Вот, что главное. Быть живым, хотеть жить, любить жизнь – вот бог, которому я молюсь. И мои молитвы слышат. Там, в Согдании, я продавал вино. Много напитков пробовал, разных. Но еще никогда не пил более вкусного чая, чем этот, сваренный из чингиля.

Арлинг кивнул головой, соглашаясь. Сейфуллах знал толк в чае. Вкус был терпкий, но расслабляющий. Хотелось уплыть на волнах его аромата, забыв о мире, полным вопросов, сомнений и колючего, проникающего повсюду песка. Регарди был готов поклясться, что Аджухам добавил в напиток журавис. Кучеяры могли находить его даже в таком бесплодном месте, как пустыня. Впрочем, вероятно, что его господин, известный любитель дурмана, прихватил с собой порцию травы еще из Балидета. На следующем привале надо будет обыскать его вещи. Попутчик из журависа был плохой.

– Ну, а как насчет твоего рассказа, странник? – не унимался Ель. – Про Сейфуллаха мы знаем, он купец, честь ему и хвала. А кто ты?

– Он мой халруджи, – неожиданно вставил Аджухам, возникая рядом с дымящимся котелком. – Ужин готов, набивайте животы.

– Я его слуга, – поспешно добавил Арлинг, стараясь оставаться спокойным.

Меньше всего он хотел, чтобы драганы стали расспрашивать его о служении. Сейчас он не смог бы ответить даже иману. Сердце колотилось так, словно он, не останавливаясь, пробежал весь Балидет от северных ворот до южных.

Подскочив, халруджи поспешно уступил Сейфуллаху свое место. Мальчишка принял это как должное, уютно устроившись на одеяле. Наполнив миску похлебкой, Регарди с поклоном подал ее Аджухаму. Совсем, как дома. Только над головой простиралось бездонное небо, а вокруг колыхались песчаные волны, среди которых затерялась их дорога. Он надеялся, что она у них была еще общей.

– Мы должны были выехать из Балидета вместе, но нам помешали, – пояснил Аджухам, обсасывая лапку ящерицы. – Я уж думал, он не найдет нас. В тех проклятых песках было чертовски холодно!

Сейфуллах добродушно похлопал Арлинга по плечу. Халруджи его жест не понравился, но сейчас он был готов стерпеть и не такое. Заняв привычное место позади Аджухама, он уткнулся в свою чашку, стараясь не пронести ложку мимо рта. В последнее время его рассеянность была подозрительно велика. Может, от того, что он перестал принимать травы, которыми всегда поддерживал себя в Балидете?

– Вот это встреча, – чавкая, восхитился Карум. – А нам повезло. Ведь твой слуга мог пройти мимо, и тогда мы бы точно пошли на ужин гиенам. Правда, ума не приложу, как слепой может ходить по землям керхов, оставаться в живых, да и еще спасать кого-то. Жизнь – странная штука. Как-то я видел одну боевую собаку, которая потеряла лапу. Здоровая такая псина, давно пережившая свои лучшие годы. Хозяину надоело ее кормить, и он решил выставить ее на последний бой. Ему советовали прирезать тварь и не смешить людей, но он считал, что любой воин достоин того, чтобы погибнуть, сражаясь. В общем, на собаку никто не поставил, а зря. Безногая бестия порвала всех так, что ни один из псов, выставленных против нее, не дожил до утра. Вот тебе и калеки. Наверное, в твоём слуге есть что-то похожее. Прошел там, где не всякий зрячий бы выжил. Ты умеешь находить себе людей, Сейфуллах! Пожалуй, я знаю, кто он. Каргал, верно? Тот, кто дошел до Гургарана и ослеп, увидев его мощь. Ладно, не злись на меня, добрый человек, – Карум отвесил в сторону Арлинга шуточный поклон. – Нам еще в Согдарию рассказывали, что у «Царских Врат» можно потерять зрение. Золото царя Негуса сверкает так ярко, что не каждый человеческий глаз его вынесет. Имя-то у тебя есть, слуга?

Сравнение Арлинга с собакой развеселило Аджухама так, что он залился смехом, едва не опрокинувшись на спину. На лице халруджи не дрогнул ни один мускул, но ему пришлось приложить усилие, чтобы заставить себя не острить. А ведь так хотелось объяснить этому каргалу, что он был недалеко от истины, когда рассказывал про бойцовскую псину. Халруджи уже давно хотелось намять ему бока. Просто так.

– Меня зовут Арлинг, – нехотя сказал он, сердито пихая Сейфуллаху в бок, чтобы тот перестал кривляться. – Я из Ерифреи. Слепой от рождения.

Аджухам неожиданно замолчал и стал серьезным. Регарди никогда не рассказывал ему о том, как стал слепым, но, похоже, мальчишка почувствовал ложь. Никто кроме имана не знал о дуэли Арлинга с Дарреном. И учитель останется последним.

– Вы верите в Царство Негуса? – вопрос одиноко повис в воздухе, но Арлингу хотелось сменить тему разговора. Получилось не очень ловко, но по оживлению каргалов он понял, что не промахнулся. По меньшей мере, еще час о нем не вспомнят.

– Конечно! – горячо воскликнул Карум. – Только дурак не верит в золото, которое лежит под ногами. Его нужно только увидеть. Если я найду страну Негуса, то вряд ли вернусь в Согдарию. Зачем мне освобождение Канцлера и его награды, когда я окажусь в раю?

– Говорят, в царстве за Гургараном лежит земля богов, – подхватил Ель, и Арлинг почти почувствовал блеск его глаз. – Там нет ни войн, ни бедности, ни болезней. Сады цветут

круглый год, скотина тучна, а женщины дарят свою любовь щедрее, чем солнце поливает эти пески светом. По красоте и величию дворец Негуса не сравнится ни с одним замком Согдариин. Он выстроен из цельного хрусталя, а крыша выложена из самоцветов и сверкает ярче светил на небе! Амбары и склады ломятся от драгоценных пряностей и роскоши, а фонтаны и бассейны наполнены вином и сладким нектаром. Любой из путешественников, добравшийся до дворца, будет желанным гостем и сможет оставаться в нем столько, сколько захочет. Хоть всю жизнь! Каждый день тридцать тысяч гостей садятся за обеденный стол из цельного изумруда, который подпирают две колонны из аметиста. За таким столом нельзя захмелеть. Ты будешь весел весь пир, сколько бы вина не выпил!

– А еще говорят, что через всю страну Негуса течет река, воды которой несут груды драгоценных камней, – перебил товарища Карум, ожесточено размахивая руками. – Эти самоцветы может подбирать каждый. Их столько много, что ими выкладывают мостовые!

– Точно, – поддакнул Ель. – Я слышал, что одежды царя пошиты из кожи настоящей саламандры, очищенной в пламени! А в саду его дворца бьет источник жизни, который возвращает человеку силы и здоровье. Сам царь пил из него тридцать два раза, и ему уже шестьсот лет. Некоторые верят, что он бессмертен. Я не знаю, зачем Канцлер ищет эти земли. Согдария велика и могущественна, но разве можно покорить рай?

Каргалы замолчали. Задумались и Арлинг с Сейфуллахом. Каждому было о чем. Костер громко треснул, выбросив в морозный воздух сноп искр. Прилетел ветер и, покружив вокруг путников, швырнул в них песком. Аджухам не выдержал первым.

– Сказки все это, – недовольно пробурчал он. – Нет никакого Негуса. А если какое-то царство и было, то не за Гургаранским хребтом, а здесь, в Сикелии. Правда, очень давно. Многие наши города построены на древних поселениях. В Балидете есть дома из камней, которые даже в Шибане не найдешь. А дороги, по которым ходят караваны... Их ведь не кучеяры построили. Старики говорят им по несколько тысяч лет, не меньше. Но тех людей уже давно нет, теперь живем мы. Пыль веков только историки, да сказочники ворошат. К чему все это? Зачем искать прошлое, когда есть настоящее?

– В Царство Негуса можно только верить, – пробурчал Карум. – Или не верить. Это все равно, что жизнь после смерти. Один говорит про рай, другой про переселение душ, третий вообще готов раствориться без остатка, но правды не знает никто. Так и Гургаран. Я думаю, что дорога есть, и кто-то по ней уже прошел. Просто еще никто не захотел вернуться.

Драган потянулся и встал.

– Не знаю, как вы, а я хочу спать. Пусть слуга дежурит первым, он в зыбучих песках не сидел.

За ним поднялся и Ель, и вскоре над песками раздавался мерный храп двух уставших людей. Арлинг не возражал. Уснуть у него сейчас вряд ли бы получилось.

– Идите отдыхать и вы, господин, – сказал он Сейфуллаху. – Завтра лучше отправиться затемно.

– Маргаджан ловко использовал эту сказку, – задумчиво произнес Аджухам, размышляя о чем-то своем. – Вот только откуда он явился на самом деле? С ним пришли керхи, а это говорит о многом. Кочевники даже в регулярной армии не служат. Нужно было предложить им что-то очень весомое, чтобы они стали воевать на одной стороне с драганами. И еще эти незнакомцы, похожие на нарзидов. Наверное, они из Песчаных Стран. А может, арваксы? Я слышал о них, но ни разу не видел. Говоришь, Маргаджан ушел из Балидета?

– Да, господин, – Арлинг кивнул и подсел ближе к костру. Ночь выдалась на редкость холодной. – Я не знаю, сколько его людей осталось в городе, но неделю назад он вышел на Муссаворат. Я покинул Балидет вместе с ними. Если они будут продвигаться так же быстро, как дошли до Холустая, то окажутся у стен Белого Города дней через пять.

– Там-то его и встретит регулярная армия! – Аджухам ударил кулаком о колено. – Легкой добычи не получится, вот увидишь. А когда он вернется в Балидет, то мы добьем его. Переломим хребет этой потрепанной псине! Ты не веришь мне, Арлинг, но иман обещал, что Белая Мельница поможет. Ну и пусть у меня нет больше кадуцея, сейчас это не имеет смысла. Я выступлю на совете от имени Аджухамов, твой учитель заранее уехал в Самрию специально, чтобы все подготовить. Грядут новые времена. Если Белая Мельница поддержит войну, у моего отца не останется выбора.

– Сражаться с двумя врагами сразу?

– Да, черт возьми! Это будет тот самый ход, которого Канцлер от нас не ожидает. Маргаджан явился вовремя. Пока он и армия Канцлера будут уничтожать друг друга, мы успеем подготовиться. Иман собирался привести на Совет каких-то монахов, которые могут выставить тысячу воинов, превосходящих самих Жестоких. Если все члены Мельницы выступят за освобождение Сикелии, Шибан не останется в стороне. Они терпеть драганов не могут. А там и Песчаные Страны подтянутся. Ты слышал про Птичьи Острова? Это архипелаг рядом с дельтой Мианэ. О боевых талантах островитян легенды слагают. Если мы с ними договоримся, в победе можно будет не сомневаться. Нам нужно объединиться! Однажды мы проиграли Согдарию, но только потому, что каждый хотел отсидеться дома. Сейчас все будет по-другому.

Арлинг слушал Сейфуллаха молча, надеясь отыскать в себе хоть немного тех чувств к Сикелии, которые испытывал его господин. Но на душе было пусто. Единственно, что тревожило его, так это упоминание серкетов. Не было сомнений, что монахами, которых учитель хотел позвать на совет, были именно они. Похоже, иман и Сейфуллах шли одной дорогой, но цели у них были разные. Вот только чью сторону придется выбирать ему, халруджи, который давал клятву верности своему господину, но не имел права послушаться учителя?

– Я должен был прибыть в Самрию через десять дней, – продолжил Аджухам. – И я бы успел, если бы не эти чертовы керхи. Придется огорчить твоего учителя. Он дал мне золото, много золота, которое нужно доставить в Самрию. Мы хотели нанять людей. Можешь догадаться, где оно сейчас. Будь прокляты кочевники. За этих верблюдов мы не выучим и половину того, что я вез. А ведь со мной было три десятка воинов. Сначала нас преследовали люди Маргаджана, а потом керхи. Никогда их еще не было так много! Они словно из песка появлялись. Когда я встретил этих каргалов, нас оставалось меньше дюжины. Это были хорошие кучеяры, халруджи, но их всех забрала пустыня. И я не могу допустить, чтобы их смерть оказалась напрасной.

Не зная, как выразить сочувствие, Регарди положил руку на плечо Аджухама. Это было по-человечески, но Арлинг ощущал себя пустой куклой. А ведь еще недавно смысл жизни казался таким близким, витал где-то над головой, сам в руки просился.

– Мы успеем в Самрию, – прошептал он. – Все будет так, как вы сказали. Вот только... Давайте оставим каргалов? Дадим им по верблюду, пусть ищут свое райское царство сами. У нас разные дороги.

– Нам с ними как раз по пути, – сурово сказал Сейфуллах. – Если наместник поддержит нас, не будет больше каргалов. В Сикелии останутся только трупы чужаков и те, кто нашел здесь свой дом. Мне нужны люди, Арлинг. И если боги дают мне в помощь драганов, чтобы разделаться с Согдарией, значит, это добрый знак.

– И все же...

– Не спорь со мной, халруджи. Я дал им три дня на раздумья. Если они будут сражаться на нашей стороне, мы пойдем в Самрию вместе. И хватит о каргалах. Лучше расскажи о том, как тебе удалось бежать. И почему тебя не казнили.

Последние слова Сейфуллах произнес непринужденно, но Арлинг хорошо услышал то, что он тщательно скрывал за ними. Мальчишка не доверял ему, и, наверное, был прав.

Когда-то Регарди лгал хорошо, но с некоторых пор страх обмануть самого себя стал слишком силен.

– Я не знаю, – выдавил из себя Арлинг. – Может, у них были на меня какие-то планы. Во всяком случае, ими со мной не поделились. Я многое не помню. Яд септора – странная штука. Мне еще долго придется жить с ним. Я сбежал, когда вас уже не было в городе.

Аджухам так пристально вглядывался в его лицо, что казалось, еще немного, и он прожжет в нем две огненные дорожки. Арлинг позволил себе расслабиться. По крайней мере, он не солгал, хотя и не сказал правды.

– Не верите? Хотите взглянуть мне в глаза? Может, в них вы прочтете то, что я никогда не смогу сказать.

Эти слова были лишними, но давно рвались на свободу. Повисла звенящая тишина – это Сейфуллах перестал дышать. Регарди уже готов был просить прощение за дерзость, когда Аджухам, наконец, ответил:

– Я не стану смотреть в твои глаза, слепой, – едва слышно произнес он. – У меня достаточно неприятностей. Но кое-что я от тебя действительно хочу. Хочу услышать твою клятву верности, халруджи. Второй раз. Иначе я не смогу поворачиваться к тебе спиной, когда в Сикелии начнется война с драганами. Халруджи не может служить двум господам сразу.

Сейфуллах поднялся и встал у костра, сложив руки за спиной. Он ждал.

Арлинг чувствовал себя так, словно его прилюдно отхлестали по щекам. Великий мудрец Махди записал в своей книге: «Халруджи клянется своему господину три раза. Первый – когда приступает к служению. Слова его крепятся водой. Второй – когда халруджи обманул и предал господина. Слова крепятся солью. Третий – когда халруджи потерпел поражение, и готов отправиться на поиски Дороги Молчания. Слова скрепляются огнем и кровью». Регарди казалось, что Аджухам знал не только Книгу Махди, но и то, что творилось у него в голове. А там был Маргаджан, который смотрел на него глазами Даррена. Мальчишка имел полное право требовать от него вторую клятву. Арлинг пожалел, что не мог превратиться в песок и остаться в Холустае навеки.

Кажется, он слишком долго не шевелился, потому что Аджухам не выдержал и окликнул его:

– Поторопись, если не передумал. Я чертовски хочу спать.

Заставив себя подняться, Регарди направился к сумкам. Ему пришлось несколько раз перерывать все вещи, прежде чем пальцы наткнулись на холщовый мешок. «Страх – хорошее чувство, – говорил иман, – но в ответственный момент его нужно гнать прочь. Стоит усомниться лишь на мгновение, и ты проиграешь».

Наконец, Арлинг опустился на колени перед Сейфуллахом и протянул ему свою саблю.

Соль присутствовала во второй клятве не случайно. Несмотря на то, что в некоторых городах Сикелии ее было столько, что из нее строили дома и храмы, кучеяры считали ее мерилom справедливости и называли сокровищем, которое не имело подлинной стоимости. Верность нельзя оценить в золоте или серебре. Она подобна соли, которая похожа на песок под ногами, но истинный вкус которой можно ощутить, только попробовав ее. Регарди не допустит больше сомнений в Аджухаме. И не даст повода сомневаться в себе.

Тем временем, Сейфуллах взял щепотку белого порошка и положил ее на кончик сабли. У него слегка дрожали пальцы, и клинок выписывал едва заметные узоры в морозном воздухе. Он пах крепкой сталью и быстрой смертью. Соль не пахла ни чем, но Арлинг ощущал ее лучше запаха собственного пота. От неожиданного волнения у него на лбу выступила испарина.

Сложив руки за спиной, он наклонился и слизнул с лезвия соль. Белые крупинки обожгли язык, словно кусочки раскаленного угля. Халруджи вздрогнул и произнес:

– Если я и впредь поступлю вопреки совести и убеждениям, пусть этот клинок принесет мне смерть.

Ритуал был прост и не требовал больших усилий, но ему казалось, будто он в одиночку перетаскал целую кучу камней, чтобы сложить еще один памятник своему прошлому.

– Принимаю, – сказал Сейфуллах и с лязгом вернул саблю в ножны. Проходя мимо, он похлопал его по плечу. Наверное, это было знаком того, что Арлинг прощен.

В следующие несколько часов халруджи внимательно слушал: ветер, который гудел где-то вдали, не решаясь к ним приближаться; керхов, которые крутились возле оазиса, устраиваясь на ночлег; песчанку, которая угодила в ловушку птицееда и отчаянно сражалась за жизнь, не желая умирать. Но больше всего он слушал себя. Клятва затронула новые струны его души, которые продолжали звенеть, заполняя пустоту смыслом и пониманием.

Глава 2. Западня

Дорога превратилась в бесконечную вереницу барханов, череду нестерпимого зноя и обжигающего холода, долгожданные остановки у редких колодцев и постоянные прятки от керхов, которые сновали по Холустаю, словно стервятники в поисках падали.

Чем ближе они подходили к Самрии, тем серьезнее становился Сейфуллах. Но, несмотря на его молчаливость, Арлинг чувствовал, что отношение Аджухама к нему потеплело. Если бы не драганы, которые портили ему настроение одним своим присутствием, он был бы почти счастлив. Надежды Регарди на то, что каргалы откажутся от предложения Сейфуллаха сражаться за Балидет, не сбылись. Уже на вторые сутки их совместного пути Ель и Карум заверили Аджухама, что ждали этого шанса всю жизнь. Халруджи не верил ни одному их слову и еще долго уговаривал упрямого кучеяра оставить каргалов в пустыне, но его усилия были напрасны. Сейфуллах был непреклонен.

Один раз им встретился караван: цепочка людей в запыленных бурнусах и верблюдов, груженных финиками. Сначала их приняли за керхов, но Аджухам вовремя сделал жест, которым приветствовали друг друга караванщики. Торговцев было немного – человек десять, но столько же было и воинов-наемников, которые не опускали луков до тех пор, пока они не приблизились. Убедившись, что им встретились не переодетые керхи, кучеяры успокоились и даже угостили их кумысом с масляными лепешками.

– Муссаворат не видел врагов у своих стен уже очень давно, – ответил капитан каравана на вопрос Арлинга о том, знали ли они об угрозе. – Когда мы уходили из города, драганов из регулярной армии там было больше, чем соли. Наместник прислал почти всю отряды, но кроме того, что они объедают нас в не самый урожайный год, пользы от них никакой. Драганы сидят в крепости и пьют пиво, а керхи как грабили наши караваны, так и грабят. Многие вообще не верят в Маргаджана. Говорят, это Гильдия Балидета придумала удобный предлог, чтобы покинуть империю. Сговорились с Шибаном или с островитянами, вот и весь набег. Как бы там ни было, в ближайший месяц Муссаворату ничто не угрожает. Уже начался сезон самумов. В этом году он рано пожаловал. Все западные дороги закрыты, сквозь такие бури даже керхи не пройдут.

Арлинг слушал кучеяра и вспоминал бурю, внезапно накрывшую караван Сейфуллаха за день до их возвращения в Балидет. Рассказ Даррена о его переходе через Гургаран, армия из драганов, керхов и странных нарзидов, сражающихся на одной стороне, странная смерть Шолоха и септория – Арлингу казалось, что он упустил то, о чем непременно пожалеет в будущем. Тайна, окружавшая Маргаджана, вдруг стала очень важной. Возможно, ему не стоило убегать из дворца, не узнав больше о бывшем друге.

Караванщики из Муссавората предложили доехать вместе до Фардоса, но Сейфуллах отказался. У четырех людей было больше шансов незаметно пройти земли керхов, чем у каравана. Других людей они не встречали до самого выхода из Холустая.

Сухое русло узбоя кончилось, уступив место каменной кладке, оставшейся от старой дороги. Несмотря на разрушающее влияние времени, на ней могли свободно разойтись два встречных каравана, и можно было только гадать, какой ширины она была раньше.

Складки песчаных барханов сменились равниной, покрытой твердой глиной. Кучеяры называли такие места такыром. Земля под ногами была высушена до звона и испещрена многочисленными трещинами, которые убегали к горизонту, напоминая старческие морщины. Они старательно прятали в себе прошлое, но не могли скрыть его полностью. Остатки древних миров попадались все чаще: стены из блестящего базальта с высеченными на них непонятными надписями, керамические осколки, камни, на которых еще сохранились яркие украшения, и кости. Последних стало еще больше.

Кучеяры считали, что прикасаясь к следам древних, можно навлечь на себя гнев богов, которые когда-то погубили людей, живших ранее в Сикелии. Поэтому Сейфуллах каждый раз ускорял шаг верблюда, когда они проходили мимо очередного реликта, вызывая недовольство каргалов и Арлинга. Драганы мечтали найти клад, а халруджи хотелось прикоснуться к монументам, чтобы почувствовать величие древних. Но спорить с Аджухамом, который негласно принял лидерство в их небольшом отряде, никто не решался.

Правда, когда дорога свернула в руины большого города, каргалы не смогли преодолеть искушение и настояли на привале. Сейфуллах долго ругался, но, в конце концов, сдался, хотя и не сошел с дороги. Несмотря на то что Регарди очень хотелось присоединиться к драганам, он остался с господином. Не следовало вызывать его гнев всего через несколько дней после второй клятвы.

И все же развалины манили. Исполинские колонны и вросшие в землю монолиты говорили о драме, разыгравшейся много тысячелетий назад. Рядом с ними он чувствовал прилив сил, которые постепенно возвращались к нему после боя с септорами. Пока Сейфуллах жевал лепешку, а драганы рыскали по руинам, Арлинг решил заняться тем, чего уже давно не хватало его телу. Ему нужно было размяться.

Солнце катилось к горизонту, руины отбрасывали длинные косые тени, слабый ветер освежал, обещая ночную прохладу и передышку от дневного зноя. «Твой дух должен быть беспристрастным», – говорил иман. Регарди снял сапоги и встал лицом к руинам, чувствуя, как тепло земли поднималось от босых ступней по всему телу. Близость гигантских каменных исполинов внушала спокойствие. «Даже когда твой дух пребывает в покое, не позволяй телу расслабляться», – наставлял учитель. Халруджи сплел пальцы и вывернул руки наружу, разминая кисти. Сейфуллах вздохнул и потянулся за второй лепешкой. Один из каргалов сорвался с камня. Наступающие сумерки огласили его брань и хохот второго драгана.

Регарди присел, отвел руки назад и, оттолкнувшись ногами, прыгнул вперед, перевернувшись несколько раз в воздухе. Приземление было неуверенным. Его шатнуло, но он быстро собрался и повторил сальто, на этот раз в бок. Воин всегда исполнен решимостью победить. Чтобы бы не случилось, он никогда не меняет свои намерения. Разбежавшись, халруджи выполнил серию прыжков, отталкиваясь от земли руками и чувствуя, как при каждом прикосновении к теплой глине тело наполнялось силой и уверенностью. Кувырок назад и резкий удар в живот противника. Поражена печень, невидимый враг теряет сознание. Арлинг крутнулся на месте и, согнув пальцы, атаковал еще одного недруга, на этот раз в грудь. Травма сердца и смерть. Толкающий удар ногой, и противник летит далеко вперед, врезаясь в каменную стену.

Выхватив саблю, Регарди обернулся к следующему врагу. Клинок с тихим шелестом пронесся у горла Маргаджана, который неожиданно возник из струящейся на дороге пыли. Драган умело ушел от атаки и, замахнувшись, нанес удар сверху. Арлинг ясно представил, как его рассекают от плеча до бедра, но тело среагировало быстрее. Сабля встретила лезвие меча с яростным звоном, и Маргаджан засмеялся. Регарди улыбнулся в ответ. Сегодня победит он. Халруджи сделал обманное движение клинком и бросился в молниеносную атаку.

Край древней стены встретил его крепким ударом в голову. Арлинг не устоял на ногах, с размаху приземлившись на каменистый проселок. Пыль, еще минуту назад бывшая Маргаджаном, взметнулась вверх крошечным вихрем и осела ему на плечи.

– Вот идиот! – недовольный голос Сейфуллаха разорвал вечернюю тишину гулким эхом.

Регарди тщетно пытался придумать достойный ответ, как вдруг понял, что Аджухам ругал не его. Среди обломков руин показался Карум, который с гордостью размахивал каким-то предметом. За ним шел Ель, и, судя по шагам, нес что-то тяжелое. Арлинг быстро под-

нялся и, подобрав саблю, вернул ее в ножны. Похоже, его позорное падение никто не заметил.

– Смотрите, что мы нашли! – восторгу Еля не было предела. – Этой дорогой ходят десятки караванов, а золото попало нам. У Карума браслет из монет, а у меня голова богини. Она из чистого золота. Тяжелая, сволочь. Если вы не будете стоять здесь, как истуканы, тоже что-нибудь найдете. Мы с Карумом хотим осмотреть дальнюю стену. Руку даю на отсечение, что под ней завален сундук. Целый ящик с монетами!

Арлинг стоял поодаль, но ему показалось, что Сейфуллах побледнел. Во всяком случае, голос у него был встревоженный.

– Быстро все бросайте! – крикнул он им. – Или пожалеете, что в зыбучих песках не остались. Это золото Холустая, его нельзя трогать. Гляди, даже знак выбит: «Берегись!».

Сейфуллах показал пальцем на Арлинга, и Регарди не сразу догадался, что он указывал на тот обломок стены, в который он врезался, сражаясь с мнимым Маргаджаном.

– Видите эту решетку? Ее нанесли караванщики много лет назад, специально для таких дураков, как вы. Это проклятое место. Рамсдут. Смотреть, отдыхать здесь можно, но что-нибудь трогать – упаси бог!

– Да ты что, Сейфуллах? – возмутился Карум. – Это ведь целое состояние! Сам жаловался, что тебя керхи ограбили. Так вот тебе шанс. Если хорошо поискать, можно всю статую найти. А она из золота! Знаешь, сколько мы за нее получим?

– Ничего мы за нее не получим, – вскипел Аджухам. – Сам сдохнешь, и нас за собой потянешь. Да что вы, драганы, вообще знаете? Слушайте, неучи. Старики рассказывают, что когда-то в Рамсдуге правили жестокие цари, которые грабили караваны и убивали путников. В конце концов, это навлекло гнев Нехебкая. Семь дней и семь ночей дули черные ветры, которые превратили город в руины, а его жителей в песок, который был развеян по всему Холустая. Только богатства и остались. Но уносить их нельзя. Если кто-то подбирает сокровища, то сразу поднимается черный вихрь, и человек погибает в песках. Это правда. В Балидете все знают историю купца Ахира. В его караване было сто человек, и все они исчезли здесь, в этом городе. Он хотел добыть проклятое золото, чтобы завоевать сердце возлюбленной, а нашел смерть. И таких случаев много. Слишком много, чтобы это было простым совпадением. Хочешь всех нас погубить?

– Да ну тебя, – засмеялся Карум. – Я в кучеярские сказки не верю. Если бы ты жил в Согдании и с таким трепетом относился ко всем нашим легендам и суевериям, то долго бы не протянул. Как думаешь, Ель, сможет животинка утащить всю статую, если мы найдем другие ее куски? Говорят, верблюды выносливые.

– Ты слышал моего господина, каргал, – клинок Регарди оказался у горла Карума, быстрее, чем сам Арлинг успел об этом подумать. – Сейфуллах не желает, чтобы ты брал что-нибудь из этого места. Бросай. К тебе это тоже относится.

Ель потянулся свободной рукой к ножнам, но он стоял слишком близко и слишком удобно. Халруджи не отказал себе в удовольствии и ударом ноги по запястью вернул его меч обратно. Каргал зашипел от боли и едва не уронил золотую голову.

– Эй! – поспешил вмешаться Аджухам. – Спокойно! Я не хочу ничьей крови. Вам придется поверить мне на слово. Подумайте, вокруг столько керхов, но руины они не трогают. Это обман, фальшивка.

– Я могу отличить фальшивое золото от настоящего, и это настоящее, – осклабился Карум. – Пусть твой слуга уберет клинок, иначе мне придется забыть, что он меня спас, и хорошенько намять ему бока.

– А ты попробуй, – нехорошо улыбнулся Регарди, вдавив кончик сабли в шею драгана. – Или слепого боишься обидеть?

– Оставь его, халруджи, – Сейфуллах мог с таким же успехом обращаться к камню. Арлинг был уверен, что если он уберет клинок, каргал немедленно извлечет свой.

– Да вы сумасшедшие! – возмутился Ель, потирая ушибленную руку.

– А ты как думал, – усмехнулся Арлинг. – Сам бросишь или тебе помочь?

Рука Карума дернулась к ножу за поясом. Клинок Регарди дрогнул одновременно, и в воздухе запахло кровью. Всего несколько капель, но ветер подхватил густой аромат жизни, мгновенно разнеся его по долине. Каргал вскрикнул, однако браслет выпустил. Монеты с жалобным звоном стукнулись о придорожный камень и, скатившись с него, успокоились на глиняной поверхности, наполовину провалившись в трещину.

– Хватит, – не вытерпел Аджухам. – Или вы остаетесь здесь со своим проклятым золотом, или едете дальше с нами – без него! Но я вас предупредил.Пусти этого идиота, халруджи.

Арлинг задержал саблю у горла Карума еще на секунду и, крутанув ее в воздухе, вернул в ножны. Его надежды на то, что драганы выберут золото, не сбылись. Едва они с Аджухамом достигли последнего обломка Рамсдута, как их нагнали каргалы – злые, но смирившиеся с потерей. Сейфуллах не поверил им на слово, и Арлингу пришлось обыскать их. Однако драганы не солгали. Золото осталось в руинах. Когда Карум извинился перед Сейфуллахом, настроение у халруджи испортилось окончательно.

– Мы с тобой еще поговорим, слепой, – шепнул ему Ель, проезжая мимо. Халруджи промолчал. Его умение наживать врагов уже не удивляло. Оставшийся путь ему придется следить не только за керхами, но и за каргалами. Хотя он будет даже рад открытой стычке – появится причина убить их обоих.

«Во всем виноват Аджухам и его суеверия», – решил Арлинг, следуя за сосредоточенным Сейфуллахом. Дорога пошла в молчании. Каждый думал о своем. Регарди не верил в суеверия и в то, что сокровища могли навлечь неприятности, но, как халруджи, он должен был поддержать господина.

Страхи кучеяров перед развалинами были вполне объяснимы. Пустыня всегда навевала тревогу, доводя нервы путников до предела. Бесконечные страхи голода, жажды и стихии всегда жили среди барханов. Человек, идущий по песку, мог потерять контроль над разумом и чувствами в любую минуту. Отсюда и рождались легенды и суеверия. Разгоряченному солнцем путнику было нетрудно поверить в то, что из-под земли вот-вот вырвутся разъяренные пайрики, а за случайно подобранное в руинах сокровище последует неминуемое наказание.

Прошло еще два долгих унылых дня, наполненных сухой глиной под ногами и жарким небом над головой. Равнина кончилась внезапно, слово оборванный лист бумаги. Стала появляться скудная растительность: кустарники, пробковые дубы и вездесущие заросли чингиля. И хотя воздух был сух, а солнце палило с прежней силой, на небе появились облака, которые иногда набегали на светило, покрывая обожженную землю тенью.

Арлинг почувствовал гору Мертвеца еще издали. Она возвышалась величественной громадой и служила рубежом, отделяющим пески Холустая от степей Фардоса. Мертвец дышал долгожданной прохладой и безопасностью. За ним кончались владения керхов и начинались земли, которые охраняли патрули регулярной армии. Путники верили, что гора задерживала все тучи, идущие из Фардоса, поэтому в Холустае было так сухо.

Кучеяры любили говорить, что Мертвец разделял мир по времени на зиму и лето. С одной стороны, гора была черная, там жили дожди, с другой – розовая, там правило солнце. Когда караван Сейфуллаха проходил гору год назад, Арлинг улучил момент и исследовал ее поверхность с обеих сторон. Гранит действительно был разного цвета. Ближе к Фардосу темнее, а к Холустаю светлее, но розового он там не почувствовал. Впрочем, Аджухам с ним

не соглашался, утверждая, что цвет у Мертвеца такой, как и говорится в легендах, а слепому халруджи, мол, простительно ошибаться.

Каменистая дорога огибала гору плавно, прощаясь с песками у фисташковой рощи, которая начиналась на темной, «дождевой» стороне. Кучеяры считали фисташковое дерево даром Нехебкая. Его густая ветвистая крона образовывала хорошую защиту от солнца, укрывая под собой сразу несколько путников на верблюдах.

Арлинг приподнялся на Камо и дотянулся до красных плодов, собранных в гроздья. Несмотря на кисловатый вкус, они прекрасно утоляли жажду. Камо тоже обрадовался короткой передышке и, вытянув шею, наслаждался сочными листьями. Все было бы хорошо, если бы не стадо архаров, которое недавно прошло через рощу. Казалось, что их вонь впиталась даже в ягоды. Не сумев преодолеть отвращение, Регарди отдал добытый урожай Сейфуллаху, который мог есть, что угодно и где угодно.

Каргалы тоже разбрелись по роще, обдирая ягоды и глаза на Мертвеца. С дождливой стороны гора выглядела особенно мрачно.

– Раньше здесь был знак, – задумчиво произнес Аджухам, ковыряя носком сапога сухую глину. – Предупреждал, что за горой земли не охраняются. А сейчас его нет. Ничего не понимаю. Может, не туда зашли?

– Мы давно не были в этих местах, – пожал плечами Арлинг. – Много могло измениться.

– Эту глыбу и дюжина человек не унесла бы, – фыркнул Сейфуллах. – Ветром ее сдуло, что ли?

– Смотрите! – закричал вдруг Ель. Он вскарабкался на вершину фисташкового дерева и отчаянно размахивал руками. – Кажется, там деревня. Я вижу дым, в арках двух отсюда. Это точно постройки! О, добрый Амирон! Слава тебе, наши мучения закончились!

– Конечно, там деревня, – пробурчал Аджухам, забираясь на верблюда. – Сейчас они будут встречаться часто. Заглянем, пожалуй. Я страсть как по хорошему айрану соскучился.

Предложение заехать в деревню каргалы встретили одобрительно. Не понравилось оно только Арлингу. До Самрии оставалось еще дня три пути, и халруджи предпочел бы не делать остановок, а тем более, ни с кем не общаться. Но Сейфуллаху было трудно переубедить.

Покидая рощу, Регарди почувствовал себя странно. Его охватила внезапная тоска по пескам, которая была ему непонятна. В пустыне он всегда ощущал себя обманутым, но, несмотря на это, она манила его. Там были равнодушные к его прошлому пески, горячий ветер, бросающий бесконечные вызовы, и смерть, дыхание которой ощущалось так близко. Там был Магда – в каждой песчинке, в каждом ростке колючки, в каждой луже горько-соленой воды.

Уже на полпути к деревне, стало понятно, что она заброшена. Арлинг проклинал ахаров, но, как ни старался, запаха дыма не чувствовал. Да и сам Ель теперь не был уверен, что видел его на самом деле. Под жарким солнцем Сицилии миражи случались не только в пустынях.

Деревня была небольшой. Сейфуллах предположил, что она принадлежала кучеярам-скотоводам, которые оставили ее, чтобы отогнать верблюдов и овец на новое пастбище. Низкие постройки из глины были покрыты верблюжьими шкурами, запах которых ощущался даже сквозь вонь архаров. Скотоводы путешествовали всей общиной, забирая с собой женщин и детей, но Арлинга насторожила добротность построек. По его мнению, кочующее племя должно было жить в шатрах. Впрочем, Аджухам с ним не согласился.

– Пастухи Фардоса не живут долго на одном месте, но всегда к нему возвращаются, – уверенно заявил он. – Зачем им строить жилища, которые могут развалиться через пару

недель? У них на каждом пастбище такие деревни. Бросают, а потом обратно приходят. Зайдем, раз свернули. Хоть свежей воды наберем. В таких местах бывают хорошие колодцы.

Арлинг пожал плечами, но спорить не стал, стараясь не отвлекаться. После сыпучего звона песков и сухого шелеста ветра по глине ему было трудно привыкнуть к многоголосью степей Фардоса. На востоке открывалась обширная долина, заполненная песнями трав, низкорослых кустарников и вездесущего ветра. Солнце уже перевалило за полдень, но жара совсем не мешала обитателям этого мира. Насекомые, нелетающие птицы и мелкие грызуны продолжали наслаждаться жизнью, создавая гармоничный шум суетливой возней, которая вплеталась в общую мелодию степи.

Деревня лежала в самом начале долины и казалась беззвучным пятном на фоне разноголосья Фардоса. Однако Арлинг был уверен, что услышал какой-то шум. Это могла быть оставленная собака или забредший погостить любопытный козел, но Регарди редко бывал оптимистом.

– Господин, – обратился он к Сейфуллаху, когда до деревни оставалась сотня селей. – Подождите здесь, а я проверю. Кажется, я что-то слышал. Может, какой ахар отбился от стада, но лучше не рисковать.

– Ну, рассмешил! – фыркнул Карум. – Тебе мерещится, а мы должны на этой жаре стоять. Деревня пустая, разве не ясно? Дыма нет, двери закрыты, загоны пусты. Зачем время терять?

– Пусть осмотрит, – неожиданно встал на сторону халруджи Аджухам. – Десять минут нас не задержат.

– И много слепой там увидит? – не удержался Ель, но Регарди его уже не слушал. Оставив Камо с другими верблюдами, он осторожно пошел к деревне.

Прямая улица, шесть домов по левую руку и еще семь по правую. Холодные очаги во дворах, нехитрая утварь, занесенная холустайским песком, и пустые стойла для скота. В центре поселения возвышался большой дом с двумя дверями – жилище старейшины или храм. Регарди не стал туда заходить, в пустых комнатах звенела пыль и бегали грызуны.

От степи деревню ограждал сад с финиковыми пальмами и абрикосами. Ахары побывали и тут. Сладкий запах плодов едва улавливался. На миг Арлингу показалось, что где-то рядом паслись верблюды, хотя так могли пахнуть шкуры, которыми были покрыты крыши домов. Заглянув в колодец рядом с большим домом, Регарди с наслаждением вдохнул аромат воды. Еще не пробуя ее, он знал, что это очень вкусная вода – сладкий нектар после горько-соленой влаги скудных источников пустыни.

Деревня действительно была пуста, но что-то настораживало.

– Ты скоро там? – в нетерпении крикнул Ель. – Мы тут изжаримся, пока ты найдешь свою собаку.

Карум поддакнул, но никто из каргалов не двинулся с места, так как Сейфуллах спокойно сидел на верблюде и чистил джамбией ногти.

Арлинг глубоко вздохнул и задержал воздух в легких, потому что странный шум повторился. Замерев, он мысленно ощупал каждую постройку. Внезапная догадка заставила его опуститься на дорогу и приложить ухо к сухой глине. Звук шел из-под земли. В деревне были землянки, и они не пустовали. Шум мог исходить от чего угодно, но больше всего он походил на лязг вынимаемого из ножен клинка.

Сделав Аджухаму знак оставаться на месте, халруджи проскользнул в окно ближайшего дома. Выбеленные известью стены, сырой глиняный пол и крышка от лаза посередине. Из нее отчетливо пахло людьми и оружием. Внезапно она с грохотом откинулась, и Регарди оказался лицом к лицу с керхом. Похоже, кочевник собирался посмотреть, куда делся человек с дороги. Арлинг опередил атаку на долю секунды и, выхватив саблю, рассек его от бедра

до плеча. Воздух наполнился брызгами крови, топотом ног и криками керхов, которым почти удалось заманить их в ловушку.

Толкнув разрубленное тело на разбойника, который выбирался из лаза следом, Арлинг стрелой вылетел в окно, приземлившись перед керхами, которых вдруг стало много. Они появлялись из вырытых под домами землянок, словно пайрики – стремительно, неожиданно, неизбежно. Вся деревня была одной большой западней. Как керхи появились в землях, охраняемых регулярной армией, оставалось загадкой.

– Беги! – крикнул Арлинг Сейфуллаху, надеясь, что в мальчишке не проснется желание умереть героем.

Каргалы развернули верблюдов первыми, но Аджухам медлил.

– Давай же, – проскрежетал зубами Регарди, перемещаясь из стороны в сторону и стараясь не дать себя окружить. Мысль о том, чтобы пробиться к Сейфуллаху, он отбросил сразу. Их отделяло не меньше десятка керхов, которые продолжали наполнять улицу, словно песок, принесенный шальным ветром из Холустая. Дети пустыни шумели, кричали и дурно пахли, смешиваясь в хаотичный клубок злости и ярости. Они были бешеными псами, которые забрели в пустую деревню в поисках смерти.

Когда кочевники были уже рядом, Аджухам, наконец, определился. Схватив поводья Камо, он бросился за драганами. За ним погналось не меньше шести керхов, которые оседлали спрятанных в саду верблюдов. Сейфуллах принял хорошее решение, но запоздалое. Хотя шанс у него был. Сикелия благоволила кучеярм не меньше, чем керхам. Чужаком здесь был только он, халруджи, да каргалы, которые уже достигли Мертвеца, собираясь прятаться в Холустае. Впрочем, в песках трудно спастись от того, кто в них родился.

Арлинг провел пальцем по лезвию сабли. Он любил ее и собирался спеть вместе с ней песню. Легкая и свободная, с широким выгнутым лезвием и простой рукоятью, она отвечала ему взаимностью. Сегодня у них был общий путь, и халруджи хотел пройти его до конца.

– Сдавайся, драган! – прошипел кочевник на корявом кучеярском.

Регарди отер несуществующий пот со лба и поводил саблём из стороны в сторону. Сосчитать керхов никак не удавалось. Десять? Пятнадцать? Возможно, Дорога Молчания была ближе, чем он думал.

Стало тихо. Только ветер неспешно прогуливался по деревне. У одного керха оторвалось украшение на халате, которое бряцало при каждом вдохе и выдохе. У другого звенели серьги. Третий жевал кусок журависа, сплевывая на дорогу тягучую, черную слюну. Он будет первым.

«Если врагов много, их нужно собирать вместе, словно нанизывая жемчуг на одну нить, – говорил иман. – А когда они соберутся, рубить быстро, не останавливаясь и не думая о том, что делают твои руки».

Халруджи напал первым. Укол с выпадом на колено пронзил керха с журависом насквозь. Уклонившись от клинка его соседа, Арлинг ушел в сторону и снес ему голову. Серьги больше не звенели. В атаку бросились сразу пять кочевников, но халруджи уже почувствовал вкус смерти. Она ему улыбалась.

У разящего клинка нет мысли, а удар – это промежуток, в который не поместится даже волос. Противник – пустота, и он, халруджи, через миг тоже может исчезнуть. Но пока он был здесь, а сабля стала продолжением его тела. Низкий укол в живот, выпад, уклонение и рубящий удар с плеча. Двигаться быстрее, чем песчинка, гонимая ветром. Быстрее, чем молния, разящая с неба.

Двое лучников забрались на крышу большого дома и ожидали удобный момент, чтобы не зацепить своих. Арлинг не стал ждать и метнул в них веером стрелки из рукава. Их было слишком много для двоих, но для точного прицела не было времени. Отвлечшись, он пропустил удар, который должен был рассечь его пополам. Клинок керха оставил длинную цара-

пину на груди, которая мгновенно набухла кровью. Так не должно быть. Воздух будет пахнуть только кровью врагов.

Нужно найти жоака, решил Регарди, уклоняясь и парируя удар. «Если не разбить голову змее, то нет пользы от того, что разобьешь ей хвост», – любил говорить иман. Нырнув на землю, халруджи нанес ответный удар по ногам противника, чувствуя, как лезвие рассекает мышцы вместе с одеждой и сапогами. Закончив атаку прыжком, он рубанул керха по шее и бросил безголовое тело в двух кочевников, которые подбирались сзади.

Арлинг уже не слышал верблюдов Сейфуллаха и погони за ним. Мир наполнился свистом сабель, яростными криками врагов и хрипами умирающих. Воняло кровью, потом и разгоряченной сталью.

Халруджи отсекал пальцы, вспарывал животы и разрубал тела, забирая жизни стремительным движением клинка. Атака – от начала до конца, удар за ударом. «Не теряй контроль над ногами, – шептал ему на ухо иман. – Двигайся быстро, бей проще! Не торопись! Не увлекайся деталями, сбивай врага темпом!»

– Ааааа! – яростный крик керха, прыгнувшего с крыши, слился с шумом битвы, отозвавшись в его голове погребальным звоном. Когда-то он слышал его в Мастаршильде. Сын пустыни был высок, почти роста с Арлингом. И он был ранен. Регарди чувствовал, как керх хромал на правую ногу. Наверное, халруджи упустил его в начале битвы. Следовало исправить эту ошибку.

Враг ответил на его атаку защитным ударом, Регарди напал снова и, сделав выпад, удержал меч противника внизу. Но керху удалось вырваться, и они снова скрестили клинки. Кочевник рычал, халруджи парировал молча, наслаждаясь вкусом крови во рту и в воздухе. Нажав на лезвие вражеской сабли, он попытался выбить оружие из рук керха с помощью захвата, но тот сумел освободиться и атаковал его внезапным ударом рукояти в горло. Арлинг захрипел и рухнул на землю. Хитрый сын пустыни опередил его задумку. Он как раз хотел сделать вид, что пропустил удар. Пришлось кататься по глине, спасаясь от клинка противника. «Слишком долго возишься с ним», – обругал он себя, прыжком поднимаясь с земли и устремляясь в новую атаку.

Но керх не сдавался. Он уже не рычал, а двигался спокойно и уверенно. Если враг держит свой дух высоко, победить его трудно. Нужно проникнуть в глубину его духа, стать с ним одним целым. Теперь разбойник действовал расслаблено, даже с ленцой, но его удары от этого не становились менее ловкими. «Если ты спокоен, значит, я буду быстрым, как песчаный ветер», – решил халруджи. У него еще были силы.

Кочевник возобновил атаку первым, Арлинг отскочил и, перехватив саблю в левую руку, – правая была скользкой от крови из раны на плече, – закричал так, словно проваливался в преисподнюю. Голос обладал жизнью. С помощью голоса можно было управлять огнем, ветром и волнами. Он дарил силу. Ускорившись, Арлинг нанес удар телом: быстро, изо всех сил, со скоростью молнии. Отразить атаку врага, когда есть только вдох, предотвратить его прыжок, когда есть только выдох, остановить удар, когда мир перестал дышать совсем. Разрубить сухожилия на ноге, атаковать в руку, держащую клинок, повредить вены и всадить лезвие в живот. Выбить саблю из ослабевших рук и наступить на нее ногой. Протягивающий удар концом клинка по уже падающему телу. Фонтан крови был подобен брызгам грязи из соленого озера.

Арлинг не сразу понял, что кочевник давно мертв, а он рубит на части то, что когда-то было человеком. Рукоять сабли была мокрой от крови, как и он сам. Смерть врагов пьянила и дарила чувство безграничной свободы. Наконец-то исчезла вонь ахаров – божественно пахло кровью.

Керхи неожиданно кончились. Халруджи стоял на дороге, а вокруг валялись изрубленные трупы. Он перестал считать их после пятого разбойника. Последний был разделан

особенно тщательно – руки, ноги, голова и туловище разрезаны на куски. Опустившись на землю, Регарди оторвал рукав с бурнуса мертвого врага и бережно протер им лезвие клинка.

Это была славная пляска. Голова еще кружилась от бесконечных ударов, прыжков и уклонений, но ноги уже направлялись к месту, где стояли верблюды керхов. Нужно скорее покинуть это место. Кучеры верили, что каждого умершего в пустыне встречал Нехеб-кай. А покойников здесь хватало: на дороге, в загонах для скота, в оконных проемах домов, на порогах и крышах. И хотя Арлинг не был суеверным и не верил в Нехебкая, он спешил так, будто за ним уже гнались пайрики.

Верблюды встретили его с ревом, но их можно было понять. От него невыносимо разило кровью. Задержался он только в двух местах. Возле упавшего с крыши лучника – чтобы забрать хороший керхский лук и колчан со стрелами, и рядом с колодцем – чтобы опрокинуть на себя ведро воды. Немыслимое расточительство на сикелийской земле, но он позволил себе эту роскошь. За то, что его клинок был вложен в ножны последним.

Верблюд бежал беспокойно, постоянно норовя укусить его за колени, но Регарди его не замечал. Ему нужен был Сейфуллах. Все кончится или начнется с того момента, как он найдет его труп. Или ничего не найдет. Все зависело от того, насколько удачной была погоня керхов.

Запретив себе думать о чем-либо другом, халруджи направил горбатого к Мертвецу, стараясь не замечать зловония смерти, разливающегося по степи.

В фисташковой роще под горой царили тишина и спокойствие. По земле лениво струился песок, залетавший из пустыни, солнце клонилось к закату, Мертвец бросал косую тень на корявые деревца с густой, сочной листвой. Керхи здесь побывали. Несколько веток было сломано, а на одной остался клочок бурнуса. Но и Сейфуллах проходил рощу второй раз. Халруджи ощущал его так отчетливо, словно тот находился у него за спиной. Регарди даже обернулся, но поймал лишь пощечину от ветра.

«Каждое твое промедление здесь – угроза жизни Сейфуллаху там, в песках», – напомнил он себе. В спину дышала дюжина изрубленных мертвецов. По мере того как тени удлинялись, а воздух становился холоднее, пайрики подбирались ближе. Он уже слышал их рев под землей. Они прорыли длинные норы из барханов Холустая, соединив их с глиняными почвами Фардоса. Рев повторился, но на этот раз за ним последовали возня и напряженный шепот.

Арлинг выхватил саблю – шум доносился из-под крайнего дерева, растущего у подножья горы. Еще одна ловушка керхов? Или его раны оказались настолько тяжелыми, что он стал бредить наяву? Но тело, хотя и болело в местах, где сабли кочевников оставили следы, слушалось, как и прежде.

Сердце стукнуло четыре раза, отбив счет времени. Халруджи и не заметил, как оказался у дерева, едва не налетев на груды сломанных веток. Кто-то хорошо замаскировал вход в укрытие, вырытое под корнями. Оно было таким широким, что могло пропустить не только человека, но и верблюда. Запах горбатых раздавался снизу особенно четко. Значит, ревели все-таки не пайрики. Люди внутри пещеры затаились, но он чувствовал их дыхание. Трое. И один из них натягивал тетиву.

Нырнув на землю, Регарди ушел от стрелы, которая с жалобным стоном впилась в ствол дерева позади него.

– Сейфуллах, это я! – прошипел он, надеясь, что не ошибся.

– Арлинг? – знакомый голос звучал неуверенно, что было большой редкостью для Аджухама. Наверное, если халруджи видел бы себя со стороны, то тоже бы удивился. Головной платок, повязка на глазах, порезанная клинками керхов рубашка, штаны и сапоги – все

было испачкано кровью. Вода из колодца смыла ее с лица и рук, но одежда нуждалась в хорошей чистке.

– Слепой? – изумленно воскликнул Карум, выглядывая из-за Аджухама.

– Я сбежал, – поспешил объяснить Регарди. О побоище в деревне рассказывать не хотелось. – А как вы сюда попали?

– Мы спрятались, – наконец, произнес Сейфуллах. – Керхи гнали нас в пустыню, но Ель предложил укрыться на Мертвеце. Нам здорово повезло. Он взял в сторону от дороги и случайно провалился в эту дыру. Кажется, мы нашли хранилище кочевников. Тут полно золота. Настоящего. Эти ублюдки все рыскали вокруг, но заглянуть к себе в пещеру не догадались. Мы собирались переждать, а потом искать тебя.

Ему показалось, или он услышал в голосе Сейфуллаха попытку оправдаться? Если так, то мальчишка мог собой гордиться. Укрыться в пещере было умнее, чем убегать от керхов по пескам. Или вступать с ними в драку.

– Славненько, что ты жив! – радостно воскликнул Карум, но досаду в его голосе не могла скрыть даже улыбка. – Забирайся к нам, до темноты еще час. Раньше высовываться опасно. Как тебе удалось сбежать?

Арлинг ему не ответил, но в пещеру вошел. Мешки с золотом, стоящие в углу, напомнили старую кучерскую сказку о разбойниках и ловком юноше, который ограбил их пещеру с сокровищами. Если верить преданиям, то ждать наступления темноты было неразумно.

– Нам лучше поспешить, – сказал он Сейфуллаху, глядя Камо по теплому боку. Верблюд узнал его, ткнувшись мордой в ладонь, и это было самым приятным моментом за день.

– Лучше переждать там, где враг не станет тебя искать, – возразил Аджухам. – Самое безопасное место – под его сердцем.

– Я сбежал тихо, – уверенно солгал Регарди. – До восхода луны меня не хватятся. Если уйдем быстро, никто не заметит. Но впредь деревни лучше обходить. Обойдемся без айрана.

Аджухам неожиданно прыснул в кулак и хлопнул его по плечу.

– Проклятье, халруджи, а ты меня напугал! Видел бы свою рожу там, на дороге. Я так и понял, что ты сбежишь. Хотя на миг мне показалось, что ты вздумал с ними драться. Это суший бред. Ладно, поехали отсюда. Если керхи начнут искать тебя, непременно сюда заглянут. Карум, Ель! Давайте грузить мешки.

Всю ночь они гнали верблюдов так, словно хотели обогнать луну, которая катилась по черному куполу неба, роняя вниз бледный, дрожащий на ветру свет. Луна навевала на Регарди тревогу – беспричинное, непонятное смятение, поселившееся в душе. Сейфуллах ехал рядом и чувствовал себя хорошо. Они нашли золото, которого было вдвое больше того, что Аджухам потерял в холустайских песках. Керхи не гнались за ними – ни живые, ни мертвые. Воздух был прозрачно чистым, а ветер слабым. Запахи улавливались с необыкновенной четкостью, звуки разносились далеко и отлично прослушивались. Но ему было неспокойно. И он ничего не мог с этим поделать.

Путешественники держались вдали от основной ленты дороги, останавливаясь на короткие передышки. Привал решили устроить только к вечеру следующего дня, когда фардосские степи остались далеко позади.

Маленькая Пустыня, которая лежала между Фардосом и Самрией, встретила их золотистым песком и стройными пальмами. Она была не такой засушливой, как Холустай, и изобиловала оазисами. Ветер уже не сыпал колючим песком в лицо, а ласково гладил по голове и пах морем. Настоящий рай после земли смерти.

Они остановились у небольшого озера, в котором плавали жирные сомы, а берега поросли сочной заразихой. Карум оказался неплохим рыбаком и добыл пару крупных рыб на ужин. За исключением Арлинга настроение у путешественников было отличное, хотя

мешки, набитые золотом, которые они тщательно скрыли под одеялами, не давали расслабиться никому.

Когда на небе вновь взошла луна, Регарди оставил Сейфуллаха и каргалов у костра и направился к озеру. Со дня на день они могли столкнуться с патрулем, и его потрепанная одежда, заляпанная кровью, привлекла бы ненужное внимание. К тому же, пора было смыть мазь, которую он наложил на царапины, оставленные саблями керхов. Иман, подаривший ему снадобья, предвидел все – даже его ранения.

Изучив берег и убедившись, что поблизости нет крокодилов, Арлинг разделся, но в озеро заходить не стал. В том, что там не водились ночные хищные рыбы, он не был уверен. Опустившись на колени, он принялся мыться, стараясь не поддаваться искушению нырнуть в прохладную воду с головой. Три пореза на груди, два на спине и еще два на левом предплечье – собственная неуклюжесть удручала. Промыв царапины, Регарди достал из мешочка с травами несколько полосок сушеного ясного корня и, пожевав их, приложил к ране на животе, которая была глубже остальных. Во рту остался легкий горько-прямый привкус, а по телу пробежала дрожь от прикосновения корня.

Закончив с лечением, Арлинг вздохнул и взялся за одежду. С ней будет труднее. Засохшую кровь керхов все равно не получится убрать полностью, но стоило попытаться затереть ее глиной.

– И долго ты будешь там стоять? – спросил он Аджухама, который уже минут пять наблюдал за ним из-за пальмы. – Не думал, что тебе нравится смотреть на голых драганов.

Регарди готов был поклясться, что Сейфуллах покраснел. Так ему и надо. Нечего подглядывать за слепым.

– Я принес тебе журависа, – хмуро буркнул Аджухам. – Волшебное средство. Помогает от всего – от живота, головы, плохого настроения. Наши женщины используют его при стирке. Попробуй.

Арлингу не хотелось прикасаться к наркотику, запах которого раздражал его, но возражать мальчишке не стал. Порошка в коробке оставалось немного. Или у Сейфуллаха имелись еще запасы, или он жертвовал остатками, что для него было несвойственно.

– Намочи ткань, разбросай по ней журавис и хорошенько потри, – посоветовал Аджухам, усаживаясь на поваленный ствол пальмы. Кажется, он собирался наблюдать. Халруджи поморщился. Сейчас ему меньше всего хотелось разговаривать.

– Кто тебя так порезал? Побег прошел не гладко?

– Угу, – промычал Регарди. Бросив пригоршню черной муки на ткань, он принялся скрести ее камнем, чувствуя, как ароматный шлейф наркотика лениво поплыл над озерной гладью.

– Проклятые псы, – вздохнул Сейфуллах. – Когда мы прогоним драганов, сразу займемся керхами. Пусть бегут в свой Карах-Антар. Там им самое место. Все-таки интересно, куда делись наши доблестные патрули. Раньше они встречались за Мертвецом чаще, чем кусты заразики. Неужели и вправду отправились в Муссаворат?

Арлинг пожал плечами и, оставив терзать одежду, принялся бриться. У него отросла солидная щетина, которая успела ему надоесть. Зря он послушал Аджухама. Теперь ему казалось, что журависом пахла не только ткань, но и он сам.

– Откуда это у тебя?

Регарди напрягся. Увлечшись бритьем, он не заметил, как Сейфуллах подошел к нему сзади.

– Что именно? – уточнил Арлинг, гадая, какой шрам мог заинтересовать мальчишку. Историю многих он уже не помнил.

– У тебя раньше не было наколок, а тут целая картина. Повернись к свету.

Халруджи замер, и лезвие бритвы оставило на щеке красную полосу. Выругавшись, он смахнул кровь и потянулся за обсыпанной журависом рубахой, но Аджухам остановил его.

– Никогда подобного не видел. У тебя полспины расписано какими-то знаками. Или это буквы? Язык не драганский, но и на кучеярский не похож. Что здесь написано?

– Смерть всем врагам человечества, – попробовал пошутить Регарди, но Сейфуллах напряженно молчал. «И почему бы тебе, господин, не отправиться спать?», – раздраженно подумал Арлинг, но вслух сказал:

– Это выдержка из книги Махди. Она у меня давно, ты просто не замечал. Я не мог запомнить главу о своих обязанностях, и учитель вырезал ее у меня на спине. На древнекучеярском.

Аджухам недоверчиво хмыкнул.

– Не знал, что иман такой зверь, – задумчиво произнес он, внимательно разглядывая его. Терпение Регарди медленно подходило к концу.

– Спасибо за журавис, господин, – кивнул ему халруджи. – Идите спать и не забудьте толкнуть Карума. Кажется, наш постовой заснул.

Стараясь оставаться спокойным, Арлинг взял бритву и принялся за вторую щеку.

«Давай же, Сейфуллах, проваливай отсюда!».

И так было понятно, что от татуировки следовало избавиться сразу по прибытии в Самрию. Местные умельцы славились тем, что не задавали лишних вопросов и бесследно убирали рабские клейма.

Аджухам потоптался вокруг еще минут пять, но все-таки ушел, на удивление дружелюбно пожелав ему спокойных снов. Вот и славно. Под луной у озера останутся только халруджи и его мрачные мысли.

В ту ночь Арлингу Регарди снились плохие сны.

В песке под стеной древнего города Рамсдута сидела Магда. Он с обожанием разглядывал ее черное платье с кружевными оборками, выпачканные башмаки, словно она ходила по болотной топи, и тугие косы с выбившимися прядями, которые лениво перебирал жаркий ветер Холустая. Арлинг не сразу понял, что смотрел на нее. Именно смотрел, а не чувствовал. Он жадно охватил взглядом всю ее фигуру, стараясь не упустить ни детали. Из кармана на переднике выглядывала ветка можжевельника, два ногтя на правой руке неровно обгрызены, в ушах дрожали две красные сережки, его подарок. Наконец, Регарди осмелился взглянуть ей в лицо. Он ожидал увидеть в ее глазах все, что угодно, от радости до упрека, но увидел Пустоту. У Магды не было лица. Черные волосы обрамляли ничто. Он ослеп, едва посмотрев ей в глаза.

– Магда, за что? – прошептал Арлинг, пытаясь ее коснуться.

Фадуна сердито отодвинулась и, подняв руку, погрозила ему пальцем. От нее пахло росой, свежим сеном и васильками. Такая близкая, такая далекая.

Тогда он закрыл глаза, чтобы почувствовать ее дыхание, уловить ее мысли и желания сердца, но руины Рамсдута снова были пустыми. Только ветер гулял в них, с воем терзая старые стены.

Надев повязку и спрятавшись за ней от мира, Арлинг сделал шаг назад, спасаясь от песчаных вихрей, поднимающихся с дороги, и понял, что летит. Теперь ветром был он. И его звали. Голос был знакомый, но он никак не мог вспомнить, где его слышал. Впрочем, это было неважно. Невероятная легкость и свобода пьянили, превращая его в бога. Он был ветром пустыни – великим, безграничным и всемогущим. А рядом летели такие же всеильные братья. Они ему улыбались. Скоро, очень скоро они встретятся со своим отцом, который позвал их со всей пустыни. Золотая чешуя гигантского септора мелькнула среди песков, но начинающийся самум погрузил мир во мрак.

А вот и город. Арлинг пролетел над белыми стенами Муссавората, наслаждаясь бодрящим запахом соли и страхом прячущихся в домах людей. Он был слепым ветром. Невидящим. Карающим. Башня с тремя лучниками не выдержала его натиска и рухнула вниз – в человеческое море, которое залило окрестности осажденного города. С высоты его полета казалось, что кучеяры, драганы, керхи и чужаки-нарзиды пляшут, смешно размахивая мечами и копьями. Перед ним со свистом пролетела стая стрел, пущенных защитниками крепости. Он врезался в нее, ломая древки и сбивая смертельные жала на землю.

На главной площади его внимание привлек человек с повязкой на глазах, который прыгал вокруг воткнутого в землю кинжала. Рядом с ним извивались семь септоров. Он брал их на руки, гладил треугольные головы и аккуратно складывал в корзины, из которых змеи успешно выползали обратно. Одурающе пахло цветами – сладко, приторно, опасно.

Регарди не понравился слепой, и он взмыл в небо, едва не столкнувшись с Калимом, который раскачивался на канате, натянутом над площадью. Удивительно, но Тень Серебряного Ветра его заметил. Он что-то закричал ему, умудряясь удерживать равновесие на тонкой нити между мирами. Один ее конец крепился к старой мастаршильдской церкви, другой – за балкон дворца Купеческой Гильдии Балидета. Канат раскачивался со страшной силой, но Калим словно прирос к нему пятками. Он еще раз позвал его, но Арлинг-Ветер уже потерял к нему интерес. Покружив в небе, он сбил его, обрушившись всей массой на человека и его канат. Трос оборвался, а Калим рухнул в Пустоту, которая вдруг снова стала лицом Магды.

– Убийца, – прошипела она, и Регарди с криком проснулся. По вискам струился холодный пот, руки дрожали, во рту стоял привкус крови. Кажется, во сне он прикусил язык.

Вокруг было тихо. Стоявший на посту Ель дремал, Карум с Сейфуллахом крепко спали. От озера поднимались влажные испарения, которые быстро таяли в предрассветной мгле. В кустах на берегу свистела проснувшаяся сойка. Но ночь еще хозяйничала в оазисе, и в воздухе было морозно.

Поняв, что уже не сможет заснуть, Арлинг поднялся и поворошил погасший костер. Раздуть его удалось без труда. В Маленькой Пустыне поднимался ветер, и в этом ветре слышались запахи большого города. За горизонтом, там, где вставало солнце, ждала Самрия.

Глава 3. Столичные гости

Самрия была великим городом. Местами грязным, местами жестоким, но при всей черноте, ползущей из щелей старых зданий, сикелийское солнце освещало одно из самых дивных мест на земле. Насколько сильно Арлинг невзлюбил столицу, когда в первый раз очутился в ней вместе с Абиром, настолько же сильно он привязался к ее тесным улочкам и пропахшим соленым ветром мостовым, когда побывал в городе в прошлом году с караваном Сейфуллаха. Регарди мог спорить с собой до бесконечности, но верным оставалось одно. Самрия была похожа на Согдарию, память о которой он утопил в водах Согдианского моря, но чей прах еще продолжал тревожить его беспокойную душу.

Несмотря на влияние могущественного соседа, город сохранял и лелеял собственные традиции, бережно передавая их поколениям. С Самрии начиналась история Сикелийского континента, и, подобно столице драганов, Согдиане, она была сердцем кучеяров, которое билось горячо и ровно. Сказочная Самрия. Здесь кипела страсть и легко проливалась кровь. Особенно чужеземцев.

Они стояли у южных ворот уже полчаса, препираясь с охраной, которая не хотела пускать маленький караван Аджухама в город без кадуцея.

– У меня груз испортится! – орал Сейфуллах в приступе непритворного гнева. – Ты читать умеешь? Видишь, здесь написано – свежие финики! Понимаешь, что это значит? Свежие – это только что собранные, вот, меньше часа назад. Если бы товар шел на рынок, я бы с тобой общался до вечера, но он для наместника! Ты меня здесь уже тридцать минут держишь, а нам еще дворцовую охрану проходить! Между прочим, обед уже начался, и если мне попадет за то, что гости наместника остались без десерта, я молчать не буду. Ты следом пойдешь.

В Сейфуллахе проснулся актер. Полы его халата картинно взметали придорожную пыль, которая оседала облаками на шести тяжелогруженных верблюдах и трех драганах, ожидающих поодаль.

Одежду купцов, четыре корзины с финиками и документы на них они купили утром в пригороде у торговцев из Фардоса. Освободив корзины от содержимого, они набили их золотом, а сверху уложили слой блестящих плодов, скормив оставшиеся финики верблюдам.

Путешествие до Самрии прошло почти без происшествий, если не считать того, что Арлингу постоянно мерещились банды керхов, которых, конечно, в этих землях быть не могло. Патрули регулярной армии встречались здесь чаще, чем купеческие караваны. По мнению халруджи, лучше было зарыть сокровища где-нибудь на окраине и беспрепятственно проникнуть в город, чем изображать из себя тех, кем они не являлись. Кадуцей и молодой купец Аджухам остались в Балидете.

– Или проходим без груза, или показываем кадуцея вашей гильдии, – упрямо бубнил стражник, поражая своим терпением. Арлинг его работе не завидовал. Стоять при таком зное в полном снаряжении и доспехах было нелегко. По телу кучеяра сбегали ручейки пота, а дыхание было сбивчивым и неровным. Ему явно хотелось глотнуть воды, но Аджухам был упрямее осла.

– Потерял я его! Что мне – повеситься теперь? – нагло парировал Сейфуллах. – Сегодня же запрошу дубликат в Торговой Палате. Но сначала мне нужно отвезти эти проклятые финики во дворец!

– Поищите лучше, – нудно повторил стражник. – Может, он завалился в мешках, упал куда-нибудь, такое бывает. Поищите.

– Эй, дурни, – Аджухам отвернулся от стражника, обращаясь к Арлингу с каргалами. – Если я приеду домой и обнаружу значок где-нибудь в дорожной сумке, откручу головы всем троим. Ну-ка живо еще раз перетрясли все хозяйство. Да карманы выверните, с вас станет.

– Нет его, господин, мы смотрели, – протянул кто-то из каргалов, изображая, как и было оговорено, слуг торговца финиками. – Обронили, наверное.

– Слышал, страж порядка? Нет у нас значка. Где-то выпал. Давай так. Ты нас пропускаешь, я сдаю эти корзины во дворец на кухню, потом бегу в Палату, получаю справку о потере кадуцея, возвращаюсь к тебе, показываю и... все счастливы! Ну как? Идет?

– Нет, – покачал головой страж. – Но можно так. Оставляете груз у меня, идете в Палату, берете там документик, показываете, и... все счастливы.

Они могли препираться до бесконечности, но Арлингу надоело стоять под стенами крепости и мозолить глаза лучникам, которые заинтересованно прислушивались к Аджухаму. Их интерес подогревать не стоило.

– Господин, – обратился он к Сейфуллаху. – Кадуцея я не нашел, зато есть вот это. Может, сгодится?

Горсть золота, которую он достал из корзины, должна была изумительно блестеть в ярком солнечном свете. Такое зрелище не могло оставить равнодушным даже самого рьяного стража порядка. Сердце у охранника забилося чаще, а Аджухам шумно втянул в себя воздух.

– Сгодится? – процедил он сквозь зубы.

– Сгодится, – быстро ответил стражник, подставляя сумку под руку халруджи хорошо отработанным жестом. Монеты с легким звоном перешли к новому хозяину, а путешественники – к воротам.

– Ты себя что? Умным вообразил? – набросился на Арлинга Сейфуллах, когда они оказались на солидном расстоянии от сторожевого поста. – Сколько ты ему дал? Десять, двадцать монет? С такой щедростью мы долго не протянем, болван. Все дают взятки, но можно было обойтись без них. Зачем лишний раз светиться? Если бы парень заупрямился, я бы все равно дал ему денег, но куда меньше! В город можно пройти за султан, в крайнем случае, за два, но это – потолок. А тут – двадцать! У торговца финиками таких сумм для взяток быть не может. Если нами заинтересуются, сам будешь разбираться.

«А кто же еще», – подумал Арлинг, слушая Сейфуллаху вполуха. В голове упрямо вертелась только одна мысль. Где-то здесь они могут встретить имана. И это будет лучший наградой за все трудности, которые им пришлось пережить.

Рядом охнул каргал. Регарди насторожился, но возглас подхватил другой драган, и вот уже оба преступника замерли, восторженно крутя головами. Арлинг их понимал. Несмотря на то что они попали в город уже после полудня, когда зной плавил тротуары и раскалял стены, Самрия поражала своим величием в любое время суток.

Это был один из немногих городов Сикелии, возведенный на чистом месте, а не на древних руинах, оставшихся от прежних жителей континента, канувших в лету. В Самрии все было кучеярское – от простых домов, обильно украшенных традиционной лепниной, до приземистых, невысоких башен, которые были отличительной особенностью порта. Таких больше не строили ни в одном городе Малой Согдари.

Но драганское завоевание не прошло бесследно. Красный кирпич – почерк Согдианы – особенно полюбился кучеяркам, которые так и не научились строить из него дома, зато обильно использовали в качестве украшения, возводя из него причудливые узоры и декоративные фигуры на стенах, в павильонах, дворах, на верандах, арках и куполах. Другим заимствованием были черепичные крыши, которых в последнее время становилось все больше.

Свой отпечаток оставило и море. Морские бризы не приносили прохлады, зато щедро осыпали город солеными брызгами.

Центром города служила гигантская площадь Марани, выложенная белым мрамором и обнесенная самой большой аркадой в Сикелии. Кучеяры называли ее Площадью Справедливости, а драганы просто – Морской. Вдоль нее росли кипарисы, оттеняя белизну камня суровой зеленью тугой блестящей листвы. С одной стороны площадь замыкал огромный базар с банями и постоянными дворами, а с другой – храм Омара, построенный из ценной кедровой древесины и устланный изнутри золотыми листьями. На паломничество в храм собирались кучеяры со всей Сикелии.

И еще Самрия была городом башен: витиеватых и приземистых, словно их обтесали морские ветры; с головами животных и людей, вырезанных по всему стволу; с колоколами и удлиненными шпилями-иглами. Между ними цвели и зрели золотые апельсины, аромат которых чувствовался задолго до появления на горизонте крепостных стен.

Садов было много, тщательно и аккуратно ухоженных, вне зависимости от того, чей дом они украшали – дворец наместника или жилище бедняка в трущобах. В них росли виноград, лимоны, орех, гранаты, фиги, бананы и ананасы. Все это благоухало и кружило голову, внося легкость и безмятежность в спутанные мысли вечно занятых горожан.

Постоялый двор появился неожиданно. Задумавшись, халруджи не сразу заметил, что Сейфуллах остановился.

– Вот они – «Три пальмы», – торжественно заявил Аджухам и уверенно толкнул створки ворот.

«Иман мог выбрать местом встречи что-нибудь и скромнее», – подумал Регарди. До него доносились ароматы дорогих благовоний и веселый говор фонтанов, которые в Самрии были редкостью и украшали только зажиточные дворы.

Осознание того, что он скоро встретится с учителем, обрушилось на него, словно шквал пустынного ветра. Захотелось позорно бежать, но тут послышался громкий возглас Сейфуллаха:

– Как уехал?! Не мог он этого сделать!

– Прошу доброго господина не гневаться, – тем временем, лепетал слуга. – Но мастер покинул нас еще неделю назад. А вам оставил записку. Извольте получить. Я берег ее, словно сокровище.

Слуга явно напрашивался на вознаграждение, но Аджухам был не в настроении. Выхватив клочок бумажки, он быстро прочел, глотая слова:

– Дорогой друг, я вынужден уехать, чтобы попытаться завязать узлом струйку дыма, поднимающуюся от костра. Жернова мельницы заработают через месяц. Дождись меня. Мука высшего сорта или зерно грубого помола – зависит от нас. Мы еще испечем свой хлеб.

– Бред какой-то, – фыркнул Карум.

– Проклятье! – выругался Аджухам. – Если бы это была записка от моей любимой семейки, то я бы с тобой согласился. Но ее писал учитель нашего халруджи, и хотя он никогда не умел выражаться ясно, здесь все предельно понятно. Нам предстоит жариться в Самрии еще целый месяц.

Арлинг почувствовал, как напряжение, охватившее его перед входом в «Три Пальмы», отпустило. Встреча с иманом опять откладывалась. И он не знал, какие чувства в нем преобладали: радость от того, что у него появилось время искупить вину за провал в Балидете, или печаль от того, что человек, сделавший для него так много, опять далеко. Стараясь скрыть волнение, он вцепился в свой пояс, касаясь холодной стали спрятанного клинка. Оружие возвращало спокойствие и дарило уверенность.

– А ты чего уши развесил? – набросился Сейфуллах на крутящегося рядом слугу. – Покои нам давай, да получше. Будем ждать нашего друга. Вот же дьявол, столько времени пропадет! Да от Балидета камня на камне не останется!

– В Жемчужине Мианэ буря? – полубопытствовал кучеяр, подошедший к ним с охлажденным айраном. Вероятно, он был хозяином. Во многих постоянных дворах Сикелии существовала традиция, когда первый кубок гостям преподносил самый главный в доме.

– Еще какая! – У Сейфуллаха забулькало в горле от негодования. – Вы что, за глухим забором живете? Идет война!

– Неужели? – удивился хозяин, и Арлинг живо представил, как он вытаращил на них глаза. – Про войну не слышали, у нас все спокойно!

– Может, имя Маргаджан тебе тоже ничего не говорит? – если бы Аджухам мог плевать ядом, вокруг них давно бы дымился пол.

– Как же, припоминаю, – не растерялся кучеяр. – Разбойник из южных окраин. Но, по правде говоря, таких сейчас много. Все легкой наживы хотят, работать разучились. Торговцы давно болтают, что в Балидете какие-то проблемы, да и караванов давно оттуда не было. Но у балидетцев всегда беспокойно. То с шибанцами поругаются, и мы потом месяцами без красного сахара сидим, то с островитянами чего-то не поделят, и тогда нашим рыбакам достается. Вон, из Муссавората вчера купцы пришли. У них там все хорошо. Наместник выслал в Белый Город почти всю регулярную армию, только никого они там не встретили. Сидят сейчас и харчи проедают, потому что начался сезон самумов, и Холустай не пройти. Думаю, из Балидета караванов по той же причине нет. В этом году бури рано пришли. Забудьте о войне, дорогие гости! Самрия – это рай. Здесь мир, солнце и самые красивые девушки Сикелии. Хотите, я вам пришлю парочку в покой?

– Не хотим, – сердито буркнул Сейфуллах. – Лучше пусть принесут горячей воды и мыльного камня. Мыться буду. Кстати, вам не помешало бы вынуть голову из песка. А то потом вынимать будет уже нечего. Держи, это на первую неделю. Остальное потом получишь.

Сейфуллах звякнул монетами, и, недовольно бурча, направился за слугой на второй этаж, где ему пообещали шикарные покои, достойные императора. Арлинг с каргалами молча последовали за ним.

Что могло помешать Маргаджану напасть на Муссаворат? Очевидно, у мальчишки в голове были те же мысли, потому что Арлинг чувствовал по его тяжелым шагам, что думы у него невеселые. Даррена остановили керхи? Или армию накрыл самум? Что-то случилось в Балидете? Вопросы требовали ответа, но разгадка лежала на расстоянии многих арок на юге.

«У тебя есть, над чем поломать голову», – напомнил себе Арлинг. В последние дни кожа на спине, там, где Даррен оставил прощальный подарок, усиленно чесалась. Ему срочно нужен был хороший татуировщик, который умел сводить подобные отметины. Месяц, который они должны были провести в Самрии, был будто специально подарен ему для того, чтобы избавиться от следов прошлого.

Оставшуюся часть дня Регарди провел, исследуя выделенную им комнату, изучая соседей и окрестные здания. О етобарах забывать не стоило. Убедившись, что кроме каргалов, которым он до сих пор не доверял, подозрительных личностей не наблюдалось, Арлинг позволил себе немного расслабиться.

Номер для почетных гостей находился в отдельной башне, состоявшей из двух ярусов. Верхний достался Сейфуллаху, а нижний был занят какой-то богатой дамой из Согдианы, которая на днях прибывала в Самрию. Соседство с драганами не вызывало симпатии, но, по крайней мере, столичная гостья не должна была быть сектанткой. Насколько он помнил, етобары брали в ученики только кучеяров, следуя какой-то своей теории о чистоте крови. Но времена менялись, и тактика врага тоже.

Гостиницу «Три Пальмы» окружал ряд невысоких домов, за которыми начинался базар. Оставив Сейфуллаха с каргалами, халруджи потратил час, чтобы изучить верхние

этажи и крыши соседних зданий, уделив пристальное внимание окнам самого ближнего строения. От гостиницы его отделяло приличное расстояние, хотя для хорошего стрелка оно не могло стать преградой.

Забравшись на балкон дома, Арлинг долго вслушивался в разговоры жильцов, но постоянный двор и его гости их не интересовали. Устав от болтовни домочадцев, он залез на крышу и измерил ее шагами, Получилось порядка пятидесяти сале. Такое же расстояние было до здания гостиницы, внутренний двор которой был густо обсажен декоративными кактусами. Если какой-нибудь летун и попробовал бы допрыгнуть до башни с крыши соседнего дома, то в случае неудачи ему грозило весьма болезненное падение. А шансы свалиться были велики. Башня была облицована белой мраморной плиткой, настолько тесно прилегавшей друг к другу, что взобраться по ней без крюка и веревки было невозможным. На всякий случай, Регарди попробовал, но тут его заметил стражник, который, не задумываясь, выпустил в него арбалетный болт.

И хотя ему пришлось очень быстро убегать по незнакомым улицам, бдительность стражей порадовала. Можно было надеяться, что днем к ним никто не сунется. Ночью же придется дежурить. Двенадцать мешков золота спокойному сну не способствовали.

Он вернулся затемно, так как самрийская стража оказалась не только бдительной, но и навязчивой. Кучеры преследовали его до тех пор, пока он не спрятался под карнизом дома рядом с гостиницей.

Его надежды застать Сейфуллаха спящим не оправдались.

– Где тебя дьявол носит! – набросился на него Аджухам. – Ворье, сукины дети, чуют золото, словно мухи – кучу навоза. Хозяин рассказал, что одного прохвоста стража со стен только что сняла. Средь бела дня уже лезут. Придется по ночам дежурить по очереди.

Арлинг молча завалился на кровать, с наслаждением растянувшись на мягких простынях. К его удивлению, тюфяки были набиты отнюдь не соломой. Он чувствовал запах пуха, его нежность и податливость, которая передавалась простыням, бережно приникающим к телу. После многих ночей, проведенных на земле под открытым небом, ощущение было райским.

И хотя Регарди первое время собирался присматривать за каргалами, на дежурстве Карума он заснул. Самрийские ночи были коварным противником. Ему приснились мохнатые комары, летающие на гигантских мраморных плитах, одна из которых со всего размаху опустилась ему на голову. Арлинг подскочил и, сделав подсечку стоящему у его кровати человеку с мухобойкой, свалил его на ковер.

– Дурень слепой! – прошипел Сейфуллах. – Это я, успокойся!

Сохранив невозмутимое выражение лица, Регарди помог ему подняться, а сам улегся обратно в постель. Расставаться с мягкими объятиями шелка, которые напоминали ему Магду, не хотелось. Какого черта мальчишке могло понадобиться в такую рань? Его внутренние часы подсказывали, что рассвет еще не наступил, хотя улицы Самрии уже наполнялись утренними звуками.

– Простите, господин, я вас не узнал, – пробурчал он, нащупывая одеяло и пытаясь собрать остатки сна, но избавиться от Аджухама не удалось.

– Ты бы еще клинком меня пырнул, вот бы весело было. Вставай, с каких пор мне приходится тратить время, чтобы поднять собственного слугу?

– А может, выходной устроим? Иман приедет только через месяц, куда нам торопиться?

Перехватив ногу Сейфуллаха, которая собиралась пнуть его в бок, Арлинг нехотя сел. Стойкое желание проигнорировать молодого господина исчезло не сразу. Оно появлялось редко, но было опаснее встречи с дикими керхами. Его следовало искоренять немедленно и беспощадно. Магда улетела в окно в сторону просыпающегося города, а Регарди упал на колени и склонил голову.

– Простите за дерзость, господин, – произнес он, чувствуя, как внутри клокочет не до конца убитая гордость.

– Давай, собирайся быстрее, – уже более мирно сказал Сейфуллах. – В порт пойдем. Нужно найти одного шибанца, пока его не перехватил кто-нибудь еще. В наши дни не так много мореходов плавают к Птичьим Островам. Да, кстати, достань мне лошадь. Человеку, который собирается спасать мир, пешком ходить не полагается.

Слова Аджухама не сразу обрели смысл. Шибанец, Птичьи Острова, порт...

– Порт? – недоуменно переспросил Регарди.

Сейфуллах втянул воздух сквозь зубы и принялся будить каргалов. Очевидно, что сдерживать раздражение ему удавалось с трудом.

– Поднимайтесь, увольни, нас с халруджи до обеда не будет. Из гостиницы не выходить, никого не впускать. Карум, достань мне один мешок. Он нам понадобится.

Еще не проснувшийся каргал послушно извлек из сундука золото и протянул его Аджухаму.

– Зачем нам столько? – Арлингу определено не нравилось то, как начинался день. – Ходить по городу с мешком золота небезопасно. А оставлять каргалов вместе с деньгами вообще плохая идея. – Последние слова он произнес шепотом. – Это же преступники! Ты их меньше месяца знаешь.

– Людям надо доверять, – наставительно произнес Сейфуллах. – Подай мне сапоги и отправляйся за лошадью.

– Господин, я отвечаю за вашу жизнь и должен знать, зачем мы идем в порт, и причем тут Птичьи Острова?

Он ожидал очередной порции желчи, но Аджухам ответил серьезно:

– Будем собирать армию. Пусть иман сам сидит целый месяц в гостинице и ждет, когда расцветет пустыня. Когда он вернется в город, я собираюсь его удивить.

Арлинг постарался сдержать язвительные замечания, которые вертелись на языке. Похоже, молодой Аджухам слишком много времени провел на солнце. Кого он собирался покупать? Сильных боевых школ в Самрии никогда не было, а из случайных наемников войско не собрать. К тому же за один мешок золота.

– Вы собираетесь отдать деньги наместнику, чтобы он нанял людей для пополнения регулярной армии? – осторожно спросил Регарди, боясь услышать ответ.

– Нет, идиот, – прокричал Сейфуллах. Он так и не дождался, когда Арлинг подаст ему сапоги и теперь натягивал их сам. – Наместнику вообще ничего не нужно знать. В уставе Купеческой Гильдии Балидета говорится, что город вправе сам собирать ополчение и нанимать воинов для борьбы с разбойниками, представляющими угрозу его благополучию. Как член Гильдии, я имею право говорить от ее имени.

– У вас нет Кадуцея, господин, – напомнил халруджи.

– Временно, – ничуть не смутился Аджухам. – Если моя задумка получится, Гильдия вернет мне значок, да еще и с вознаграждением. Чтобы исключить купца из Гильдии требуется полгода. Нашу бюрократию еще никто не отменял. Поэтому формально, пока я не расписался в бумаге, я могу представлять Балидет. Именно поэтому иман пригласил меня на собрание Белой Мельницы. И пока мой отец будет выбирать, на чьей стороне быть, мы изменим правила игры. Я не собираюсь просить помощи у Белой Мельницы с пустыми руками. Ты что-нибудь слышал о Птичьих Островах? О тех, что в Белом море?

Халруджи промолчал, сочтя вопрос риторическим. Иман рассказывал ему о том, что острова в дельте Мианэ заселял странный народ рыболовов, но на этом все истории заканчивались. Про островитян в Балидете вообще говорить не любили, считая их еще большими дикарями, чем керхи.

– А ты слышал, что Птичьи Острова были единственной территорией в Сикелии, которая в свое время не покорилась Жестоким? Драганы не смогли их захватить. Никак. Ты об этом знал?

Это было уже интересно. В учебниках императорской военной школы, где он когда-то учился, про Птичьи Острова не упоминалось. Возможно, они были слишком незначительными по сравнению с такими непокоренными великанами, как Шибан, Песчаные Страны и Арвакское царство. С другой стороны, о поражениях говорить не любят. Он хорошо помнил рельефную карту мира, которую сделал для него иман. Птичьи Острова были на ней совсем крошечными, даже меньше Архипелага Самсо на восточном побережье Согдариин.

– То-то! – Сейфуллах наставительно поднял палец вверх. – Согдария запрещает нам торговать с ними, а зря. Островитяне делают изумительные зеркала из морских раковин, а про их бинты из водорослей легенды ходят. Говорят, что если перевязать рану таким бинтом, она за один день заживает. Многие купцы возят контрабанду, но если попасться на ней, можно не только кадуцей лишиться, но и головы. Драганы не просто так островитян не любят. Они поражения им простить не могут. Это вопрос чести!

До Арлингга стало постепенно доходить задумка Аджухама. И она ему не понравилась.

– Ты хочешь нанять рыбаков? Против армии Маргаджана? За это золото?!

– Это золото для капитана, – фыркнул Сейфуллах. – Вернее, его часть. Услуги мореходов стоят недешево. Не каждый капитан рискнет отправиться в воды Белого моря. Они кишат драганскими галерами и пиратами. К тому же, островитяне не очень приветливы. Но у меня есть, что им предложить. То, от чего они не смогут отказаться.

– Почему островитяне? – недоумевал Арлинг. – Почему не керхи или не шибанцы? Отличные воины, да и добраться до них проще.

– Хотел бы я посмотреть, как ты за месяц доберешься до Шибана, – фыркнул Аджухам. – Керхи же вообще никого слушать не станут. Деньги отберут, а тебя продадут в рабство. Дикари и шибанцы, конечно, хорошие воины, но по сравнению с тем, на что способны островитяне, их боевые способности выглядят детскими шалостями. Жестокие не смогли их покорить! Тебе это ничего не говорит? Островитяне не любят показываться, но один знакомый купец-контрабандист рассказывал, что они исполинского роста, живут веками, обладают невероятной силой и даже могут летать. Он, конечно, любит выпить, да и журависом балуется чаще, чем кучеяры, но в любой сказке есть доля правды. К тому же, нам ведь нужно чудо, верно?

В свое время Регарди много слышал о чуде от дяди Абира. С тех пор он предпочитал в чудеса не верить.

– И что же ты собираешься предложить этим... богам?

– Все просто, – улыбнулся Сейфуллах. – Если они помогут освободить Балидет от драганов, Гильдия Балидета разрешит им рыбачить в водах Мианэ и заселять речную дельту. Достойная награда для победителя. Гильдия же получит свободную и беспошлинную торговлю с морскими рыболовами. Какой купец откажется от нового рынка? Рыбаки отстояли свои земли, но будущего у них нет. Островитян стало так много, что они вынуждены строить дома в горах и рыть норы в песке. Мы появимся как раз вовремя. Думаю, за время драганской блокады у них накопилось достаточно злости, чтобы охотно поддержать любое восстание против северного соседа. А дальше – вопрос стратегии. Белая Мельница не сможет остаться в стороне. Мы поднимемся по Мианэ до Балидета, высадимся в районе шелковичных ферм и атакуем город с юга. В это время войско Мельницы атакует с севера. Я еще рассчитываю на поддержку Шибана. Корабелы давно точат зуб на Согдарию, они нападут с востока. От Маргаджана и мокрого места не останется. А после освобождения Балидета двинемся на другие города. Армия Жестоких уже далеко не та. Наше восстание начнется с одного города, а закончится крахом согдариинцев во всей Сикелии! Ну как? Хорош план?

– Нет, – стараясь не грубить, отрезал Арлинг. – Белая Мельница тебя, конечно, выслушает, и возможно, даже поддержит, но на этом все кончится. Они политиканы, не вояки. К тому же, если островитяне такие могучие бойцы, почему они не отвоевали себе право рыбачить в Мианэ? Может, им это и не нужно? А из Шибана союзник совсем плохой. Они, конечно, не любят драганов, но один из сыновей Императора женат на шибанской принцессе. Открыто выступать против Согдариин шибанцы не станут. Плохая затея, господин. Давайте лучше позавтракаем и потренируемся. Вы давно не фехтовали, а на заднем дворе есть отличная площадка.

– Спасибо за мнение, халруджи, но ты можешь засунуть его в задницу, – не сдержался Сейфуллах. – Я иду в порт. Какое, к черту, фехтование? Если не хочешь давать третью клятву, то отправляйся искать мне коня.

Зря Аджухам вспомнил о клятве. Регарди почувствовал себя так, словно у него по спине прошлись дрыном. Иногда Арлингу хотелось, чтобы его господином был какой-нибудь старикан, которому ничего кроме теплого одеяла, да кальяна не нужно. И сейчас был как раз такой момент. Если мальчишка отправится на Птичьих Острова, лично ему, халруджи, придется несладко. Вряд ли островитяне примут драгана с распростертыми объятиями, если вообще пустят его на берег. Успокаивало то, что через месяц они должны были встретиться с иманом. Учитель умел находить нужные слова для безумцев. Оставалось только прожить эти несколько недель и сберечь шкуру Сейфуллаха до того, как начнется собрание Белой Мельницы. И свою собственную тоже. Опыт подсказывал, что это будет нелегкой задачей.

** *

Арлинг все-таки достал Сейфуллаху лошадь. Так как денег ему не дали, то он не стал долго думать и променял двух верблюдов, которые пришли с ними из Фардоса, на почти породистого скакуна. Хозяин гостиницы уверял, что кровь кобылы чиста, как вода в фонтане на главной площади Самрии, но у Арлинга были большие сомнения, как в прозрачности водицы, так и в благородном происхождении лошади с забавным именем Свечка. Но других копытных в конюшне гостиницы не оказалось, а идти с утра на рынок Регарди не хотелось.

Впрочем, Сейфуллах на Свечку едва обратил внимание. Арлинг подумал, что с таким же успехом он мог купить ему осла.

Взяв лошадь под узды, Регарди погрузился в мир просыпающегося порта. Самрия была домом многих тысяч людей. Хор голосов звучал еще слабо и нестройно, но отголоски будущего крещендо уже доносились из разных уголков сикелийской столицы.

Когда они свернули на главную улицу, ведущую к порту, поток людей, текущий по венам города, стал похож на весенний разлив вод Мианэ. Запахи и звуки менялись с огромной скоростью, но игра захватывала. Здесь был весь мир. Пешеходы и всадники на ослах, лошадях и верблюдах, полуобнаженные рабы и звенящие золотом купцы, солдаты и офицеры из регулярной армии, драганы, шибанцы и даже арваксы. Торговые люди из Песчаных Стран и Самонийских княжеств, кучерские женщины, шелестящие покрывалами, которые закрывали их с головы до ног, мулы, нагруженные товарами, ослы, запряженные в скрипучие тележки, коляски с великолепной сбруей, дорогими лошадьми и бегущими впереди невольниками. Знатные кучеры верхом на роскошно оседланных конях в сопровождении слуг и стражи, водоносы, звенящие кувшинами и другой утварью, нищие, разносчики сладкого печенья, продавцы фруктов, булочники, торговцы сахарным тростником. Самрия носила много масок – красивых и уродливых одновременно. Несочетаемые элементы сочетались, а невозможное становилось возможным. Город просыпался и расправлял крылья, чтобы пуститься в бешеный полет под жарким солнцем пустыни.

– Смотри вперед! Осторожно! Куда прешь! – раздавалось со всех сторон. Окрики сопровождалась тычками и толкотней. Каждую секунду только что замеченное старело, заменяясь новым и неизведанным. Арлингу казалось, что его голова превратилась в огромный чан для плова, в который кидали все, что угодно, только не рис. Он тщательно ловил обрывки нового мира, отряхивал от ненужной шелухи, и, разгадав смысл, отпускал, чтобы поймать новый след, который тут же сменялся другим – еще более причудливым и загадочным. С каждым шагом короста, выросшая на его душе за время, проведенное в пустыне, распадалась по песчинке, обнажая другого Арлинга – не потерявшего учителя, не встречавшего Даррена, не узнавшего его тайны.

Шум порта уже слышался в хаосе уличных звуков, когда Сейфуллах свернул, решив обойти центральную площадь стороной. Это было мудрое решение. Купаться в человеческом море Самрии было опасным занятием.

Порт приветствовал их запахом утреннего моря, скрипом сонных кораблей и руганью докеров. Несмотря на раннее утро множество рыбацких лодок, остро пахнувших сельдью и водорослями, сновали между торговыми и военными судами, которыми была забита гавань. В море не спеша уползал густой туман, выпавший ночью. Лучи солнца падали неровно, порывы ветра были влажными, а в воздухе чувствовался сильный запах пепла. На маяке еще горел ночной сигнальный огонь.

Пронзительно кричали чайки, и Арлинг не мог избавиться от ощущения, что над ним летали оружие младенцы. Но громче всех звучало море, с легкостью заглушая людей, птиц и ветер. Тысячи волн, вытягивающие горбатые спины к бездонному небу. Веселые, ленивые и сияющие. Мрачные, быстрые и злые. Они были одинаково прекрасны в любом обличье. Многоцветная армада в ореоле брызг и клочьев пены. Халруджи мог бесконечно слушать ее песни.

Пока Сейфуллах искал капитана, Арлинг собрался разведать, о чем болтали в столице. День все равно не задался. Быстро решать вопросы Аджухам не умел, а это означало, что свободного времени у халруджи сегодня не будет. Татуировка на спине назойливо чесалась каждый раз, когда он о ней вспоминал. Регарди досадливо поморщился. Придется терпеть подарок Даррена еще день. Его бывший друг придумал поистине изощренную месть.

Порт был прекрасным местом для слухов. Они витали в воздухе, проливаясь щедрым дождем на любопытных или случайно зазевавшихся прохожих. Вздвигались крошечными вихрями невероятной лжи, которая превращалась в громадные смерчи сокрушающей правды. И хотя верилось в нее с трудом, она тайком оседала на задворках сознания, чтобы в самый неожиданный момент вонзиться в сердце. Арлинг сердце берег и слушал осторожно.

Болтали в порту о всяком. Больше всего – о беспорядках на море, разгуле пиратства и высоких пошлинах. Возле группы купцов из Фардоса, следящих за погрузкой тюков на корабль, Регарди задержался, услышав имя Маргаджана. Армию-призрака, которая взяла Балидет, но в которую никто по-настоящему не верил, видели то в песках Холустая, то в оазисах долины Мианэ, а порой даже в степях Фардоса, что было совсем сказкой, так как в тех землях начинались регулярные посты драганских патрулей. Одни верили, что армия Маргаджана – мираж, который породили пайрики, другие считали, что она существовала на самом деле, только принадлежала не разбойникам, а Бархатному Человеку из Согдарики, который, видя, что популярность Жестоких приходит в упадок, придумал им замену. И начал с Балидета, купца который, несмотря на старания Аджухамов, славились бунтарскими настроениями. А следующим будет ни Муссаворат, а Иштувэга, где за последний месяц случилось уже три восстания против Империи. Кто-то вспомнил, что драганов замечали в окрестностях горы Исфакан. Верный признак того, что самый северный город Сикелии – следующий.

Арлинга сердито окрикнул Сейфуллах, и купцов пришлось оставить. Впрочем, город Иштувэга в то утро вспоминали многие. Они не прошли и десятка селей, как наткнулись на двух женщин, которые возвращались через порт с рынка, обсуждая неизвестную болезнь, вспыхнувшую в Иштувэга. Виновником несчастья тоже считали Маргаджана. В городе уже было столько больных, что они не помещались в больницах, и их свозили в Туманную Башню, построенную еще во время эпидемии чумы, которая хозяйничала в Сикелии сто лет назад.

Туманная Башня была печально знаменита далеко за пределами северного города. Возведенная в самом труднодоступном месте Исфаханского взгорья, она давно стала символом смерти, которым кучеярские матери пугали детей. В башне было только одно окно, через которое на корзинах поднимали больных. Больше их никто не видел. Многие считали, что служители башни жили там поколениями и никогда ее не покидали. Те санитары, которые иногда показывались в городе, носили страшные маски и пользовались большим уважением. Арлингу казалось, что вокруг легенды сохранялась какая-то неясность, эдакое темное пятно, которое все предпочитали не замечать. Он хорошо помнил, что всякий раз, когда кто-то упоминал Туманную Башню, иман начинал плевать и переводил тему разговора.

Они прошли ряд скрипучих лодок и вышли на такую же пристань. Она пела разными голосами, и Регарди отчетливо ощущал, как доски поддавались игре волн, слегка раскачиваясь в пенных брызгах. Двое рыбаков, разбирающих снасти, болтали про керхов. Халруджи не интересовали дети пустыни, но когда он услышал слова «деревня за Мертвецом» и «дюжина изрезанных на куски кочевников», настроение, испорченное с утра планами Сейфуллаха, стало совсем отвратительным.

– Хорошая была драка, – скрипел просушенный морским ветром голос. – Говорят, одного керха разрубили на восемь кусков. Отдельно ноги и руки, потом голова и тело – еще на три части. Зверье не успело все пожрать, когда деревню нашел патруль, но братуха рассказывал, что зрелище было то еще. Адское. Рубились серьезно. Власти говорят, что это керхские племена разборки устроили. Они ребята жесткие, если что не по-ихнему, сразу голову с плеч. Сейчас засуха, колодец какой не поделили, вот и покровсали друг друга. Странно только, что так близко к Фардосу. Обычно они свои дела глубоко в песках прячут. Хотя все меняется. Пустыня наступает, а керхи бродят под самым носом. В Согдарию надо валить, к драганам.

– «К драганам...», – передразнил говорящего другой голос. – А я слышал, что керхи как раз в той рубке драганов обвиняют. Мол, патруль всех порезал. И сейчас они злобствуют. Если бы это были местные разборки, торговцев не трогали бы. Слыхал про караван из Хорасона? Его три дня назад ограбили на Большом Тракте. На деньги даже не посмотрели. Весь товар забрали, караванщиков продали в рабство, а пятнадцать самых знатных купцов изрубили на части. Говорят, столько же было убито керхов в той деревни у Фардоса. Это месть была, и она будет продолжаться. Так что, я думаю это дело рук драганов. Только зря они это затеяли. У керхского чудища много голов, вот только главной нет. Драганы будут мечами махать, а наши женщины своих мужей-купцов оплакивать.

Арлинг проглотил ком, застрявший в горле, и подошел к Сейфуллаху, который нашел своего капитана. Идея послушать последние новости города оказалась не самой удачной. Такие слухи ему не нравились. День уже ничем нельзя было исправить.

Капитан оказался старым. Регарди даже удивился, что в такие годы он мог передвигаться без костылей. Его дряхлость ощущалась в каждом вздохе, проходящем через просмоленную глотку морского волка. Он принял их на такой же побитой ветрами и морем барже, которую на плаву держали чудо и любовь команды. Матросы возились на палубе, словно мыши, готовившие дом к зимнему шторму. И, похоже, их совсем не заботило то, что у их крепости соломенная крыша и бумажные стены.

Капитан носил колоритное имя – Гайс Нильский. И, конечно, он был шибанцем. Кто еще мог быть настолько сумасшедшим, чтобы возить контрабанду на опальные острова?

– Зря слепого привел, не к добру, – проскрипел старик, тыча в Арлинга заскорузлым пальцем, с которого капал бараний жир, пачкая роскошный ковер из белого ахара, устилавший каюту. Они застали капитана за трапезой, которую он любезно предложил с ним разделить, но, к радости Регарди, Сейфуллах отказался. Мясо в котелке подозрительно пахло журависом, а кофе имел странный аромат незнакомой специй.

Переговоры были недолгими. Капитан потребовал за услуги огромную сумму, которую было трудно произнести. Сейфуллах, следуя кучеярским традициям и зову крови, попытался сбить цену, но натолкнулся на толстокаменную стену шибанского непонимания. Южные соседи славились особой устойчивостью к талантам кучеяров вести торги, которые обычно заканчивались поражением последних. Капитан Гайс не стал исключением. Сейфуллаху очень хотелось на Птичь Острова, а шибанец прекрасно знал, что кроме него никто туда в ближайший месяц не поплывет.

В результате, он забрал весь мешок золота в качестве залога с условием, что Аджухам принесет еще четыре на следующее утро. Арлингу было интересно одно – останутся ли каргалы столь же преданными мальчишке, когда узнают, что он променял почти все золото на сомнительное путешествие. И если нет, то насколько далеко он, халруджи, сможет зайти, если конфликт состоится. Ему уже давно хотелось отрубить головы обоим. За время, проведенное вместе в пустыне, каргалы превратились в болезненную мозоль.

– Его туда не бери, – сказал капитан Гайс напоследок. – Драганов они на дух не переносят. Если увидят на моем корабле, пристрелят и меня, и его. Или съедят.

– Я тебе плачу целую кучу золота, – сердито ответил Сейфуллах. – Уж постарайся что-нибудь придумать, чтобы его не увидели. Ты же как-то провозишь контрабандные зеркала. Так вот представь, что халруджи – большое зеркало. Или я найду другого капитана.

Гайс что-то пробурчал в ответ, но Арлинг сделал вывод, что золота он потребовал действительно много. И ему не хотелось так легко с ним расставаться. Похоже, предстояла малопривлекательная поездка в тесном трюме. Где еще капитан мог его спрятать?

С этими невеселыми мыслями, Регарди покинул старую баржу, которая в скором времени должна была доставить их туда, где ему меньше всего хотелось быть. Несмотря на то что торг не удался, Аджухам пребывал в хорошем настроении. Предоставив халруджи право вести лошадь, он напевал себе под нос, с царским видом разглядывая прохожих.

– В корчму, – скомандовал Сейфуллах. – В любую, где подают хороший плов и настоящую мохану. Я зверски проголодался.

Пить с утра было не лучшей идеей, и Арлинг приготовился к напряженному разговору. Пьяный Аджухам был плохо управляем и доставлял много хлопот.

– Господин, – начал он издали, – а что вы думаете о...

Предложение позавтракать в гостинице закончить не удалось.

Женский крик вырвался из уличного гомона, потонул в шуме толпы, снова взвился к синему небу и рассыпался мелким бисером по портовой площади. Рука Сейфуллаха дернулась к эфесу клинка, но халруджи его остановил – не было необходимости. Такое в портовых городах происходило по тысяче раз на день и могло случиться с каждым.

«Это не наше дело», – подумал Арлинг, но тело среагировало быстрее. Мальчишка-вор, укравший у женщины сумочку, бежал прямо на него, умело лавируя между теми, кто пытался его остановить. Когда маленький грабитель поравнялся с ними и нырнул под брюхо лошади Аджухама, Арлингу не стоило труда сделать ему подножку.

Воришка с грохотом растянулся на земле, и Регарди почти физически ощутил запах крови на свежих ссадинах, появившихся на его локтях. Придавив парня коленом, он отобрал сумочку, обнаружив, что она была согдариийской – из змеиной кожи. Кучеярки были слишком

суеверными, чтобы носить изделия из кож рептилий. Похоже, мальчишка обокрал гранд-даму из столицы, приехавшую полюбоваться местной экзотикой.

Регарди не ошибся. Драганка уже мчалась к ним, не переставая кричать. На этот раз от радости. Впереди нее несли шлейф духов, букет которых составлял тяжелую смесь гвоздики, пиона и амбры – выбор зрелой, уверенной в себе женщины.

– Пустите! – пропищал сорванец, и Арлинг почувствовал себя препогано.

– Молодец, – похвалил Аджухам, спешиваясь и забирая у него сумочку. Он уже предвкушал приключение. Все кучеяры любили зрелища, особенно те, в которых были замешаны женщины и стража. Последние уже проталкивались к ним сквозь толпу зевак и прохожих.

– Сам пальцы ему не руби, – распорядился Сейфуллах. – Сдадим охране, незачем нам в его крови пачкаться.

Услышав про наказание, воришка взвыл и впился зубами в руку халруджи. При желании Арлинг мог эту боль даже и не заметить, но в том-то и дело, что желания у него не было. От пленника остро пахло страхом, злостью и... безнадеей. За сумочку, украденную у знатной согдианки, мальчишка мог лишиться двух больших пальцев. Суровый приговор для человека, чья жизнь проходит на улице. Кусаться малец умел. Теперь Регарди чувствовал и запах своей крови тоже. Дама и стражники уже были близко. Так близко, что Арлинг мог слышать лязганье клинков в ножнах и бряцание сережек в женских ушках.

Понимая, что ни к чему хорошему его жалость не приведет, он разжал пальцы и отчаянно затряс ими в воздухе.

– Вот пес! Укусил! – прошипел халруджи, демонстрируя изумленному Сейфуллаху укус.

– Растяпа! – обругал его Аджухам, но тут подбежала дама, и, не умолкая ни на секунду, принялась рыться в сумочке, проверяя вещи. Сейфуллах расплылся в улыбке и уже начал произносить одно из своих самых витиеватых приветствий, как драганка вдруг завопила еще громче. Наверное, увидела воришку, убегающего от стражи.

– Зачем вы его отпустили? Он же меня обокрал! Разве трудно было его удержать? А вы, – дама тыкнула пальцем с богатыми перстнями в стражников, – если и дальше будете так жрать, вообще никуда не успеете. Только на собственные похороны. Из-за животов коленей не видно! А еще стражниками зоветесь. Что за дикая страна! Что за мерзкий народец!

Разъяренная дама поворачивалась то к Аджухаму, то к Арлингу, то к мнущимся стражам, не в силах успокоиться. И чем больше согдианка кричала, тем меньше она халруджи нравилась. Ему было все равно, что она думала о кучеярах, но ее голос, звучавший на расстоянии меньше сая от его головы, вызывал неприятные воспоминания.

Женщине было за тридцать, а ее жесты и интонации подсказывали о ее знатном происхождении. То, как она позволяла себе обращаться со стражей, говорило о том, что Арлинг был прав, отнеся ее к гранд-дамам. Согдианка резко взмахнула рукавом, описывая, что бы она сделала с воришкой, если бы он оказался у нее в руках, и Регарди почувствовал едва уловимый аромат пыльцы, который искусно прятался за тяжелым гвоздичным запахом. Руки женщины пахло спиртом, сахаром и смертью. Сколько бабочек они успели насадить на иглу и спрятать в стеклянные коробки за последние годы? Должно быть много, раз запах вьелся настолько сильно, что его не в силах были заглушить даже самый сильный парфюм.

Арлинг похолодел, понимая, что знает, чью сумочку он только что спас. Он уже жалел о содеянном. Первым был Даррен, второй – Тереза. Прошлое настойчиво просачивалось в его новую жизнь. Зачем? Ведь все мосты были давно сожжены.

Тереза Монтеро, старшая сестра Даррена-Маргаджана, почти не изменилась. И хотя особой красотой любительница бабочек не отличалась, ее талант привлекать к себе мужское внимание никуда не пропал. Теперь Арлингу стало понятно, почему сердце Сейфуллаха забилося чаще. За прошедшие годы женственные чары Терезы только усилились, а сама она

превратилась в цветок, который находился на пике своего расцвета и изо всех старался этот расцвет продлить. Арлинг с трудом подавил желание помять тщательно ухоженный стебель редкого садового растения Согдианы, которое, каким-то чудом, занесло в губительные пески Сикелии. Регарди по душе были дикоросы.

– Уверен, доблестная стража уже поймала проклятого мальчишку, – заливался, тем временем, Сейфуллах. – Простите моего слугу за нерасторопность, о Прекрасная, но он калека, слепой от рождения. Прошу вас, не судите его строго. Вам кто-нибудь говорил, что у вас изумительного цвета волосы? Так выглядит горький шоколад с корицей, растопленный лунным светом в сезон цветения пионов.

Сейфуллах явно перестарался. У Терезы были самые обычные волосы шатенки. Хотя и уложенные в изысканную прическу, они были ничем не примечательны.

Однако сестре Монтеро лесть пришлось по душе.

– Правда? – изумилась Тереза, и Арлинг был готов поспорить, что она уцепила локон ухоженными пальчиками и разглядывала его, словно в первый раз. – Кажется, в этом диком месте есть люди. Ваш слуга, конечно, идиот, что отпустил вора, но ему повезло с хозяином. Бывший каргал, наверное? Вы очень щедры. Этих щенков лучше оставлять на улице. Кстати, я вам признательна. В этой сумочке очень редкий и ценный экземпляр. «Синий Песчаник» или, как его называют у меня на родине, «Цветок Пустыни». Я поймала его сегодня утром на корабле, мы еще причалить не успели. Он так доверчиво сел мне на плечо, что даже не хотелось его убивать. Было бы обидно потерять такое сокровище.

– Кто сел? – переспросил Аджухам, отчаянно пытаясь поймать нить разговора.

– Песчаник. Только синий. Я коллекционер. А вы?

– Ах, простите, – спохватился Сейфуллах, возвращаясь на привычную дорожку. – Сейфуллах Аджухам из Балидета. В Самрии проездом, я купец.

– Ааа, – уважительно протянула Тереза. – Я слышала о династии Аджухамов. Сильный и древний род. А вы случайно не сын Рафики Аджухама, нынешнего главы Гильдии? В свое время господин Рафика проводил очень популярные меры по урегулированию пошлинных сборов. В Согдании об этом даже в газетах писали.

Сестра Монтеро знала, когда проявлять эрудированность, а когда казаться набитой дурой. Сейфуллах сдался без сопротивления, расплывшись, словно кусок масла на горячей лепешке.

– Ваша чарующая красота под стать вашему тонкому уму, – неподдельно изумился Аджухам. – Истинно верно. Я старший сын моего отца и в будущем наследник Гильдии. А кого же судьба послала мне в подарок в это чудное утро?

Подробности своего настоящего положения Сейфуллах благоразумно опустил. Только зря он Терезе о наследстве сболтнул. Столичные гранд-дамы редко приезжали в такие удаленные регионы, как Самрия. Скорее всего, у Терезы была конкретная цель, и пока они ее не знали, лучше было помалкивать.

– Я Тереза Монрето, – представилась бывшая невеста Арлинга, не захотев платить Сейфуллаху той же монетой. Откровенность в Согдиане никогда не была в моде. – Какое совпадение, но наша семья тоже занимается торговлей. Правда, деньгами. Мой отец ростовщик. Никто не любит ростовщиков, но он замечательный человек. Мы вместе путешествуем по окраинам Империи. Ох, не подумала, – спохватилась она, – по дальним провинциям.

– Ну что вы, это действительно окраина, – отозвался Аджухам, и Арлинг не поверил своим ушам. Обычно Сейфуллах отличался крайне патриотичными взглядами, и любому, кто называл бы Сикелию в его присутствии окраиной, грозили бы неприятности.

– Папочка отправился сразу в Иштувэга, а я решила задержаться в Самрии, – продолжала щебетать Тереза, очевидно, довольная встречей. Арлинг мог поклясться, что в ее голове

уже роились тысячи идей о том, как можно использовать наследника Балидета в своих интересах.

– Видите ли, я обожаю бабочек, собираю их с детства. У меня богатая коллекция, но почти нет сикелийских видов. А тут как раз выпало свободное время, вот я и решила прогуляться.

– Вы смелая женщина, – восхитился Сейфуллах. – Путешествие в столь дальние края – опасное занятие. Как же ваш муж набрался храбрости отпустить вас так далеко?

«Хитрый ход», – усмехнулся Регарди. Аджухам хотел ненавязчиво узнать, замужем ли прекрасная незнакомка.

– Я свободна, – игриво ответила Монтеро. – А вы женаты?

Похоже, начинались согдианские игры. Арлинг вздохнул и стал искать повод, чтобы отвлечь Сейфуллаха от новой знакомой. В том, что дочь министра финансов еще не нашла себе мужа, ничего удивительного не было. Гранд-дамы поздно создавали семью, выбирая будущего партнера десятилетиями.

Между тем, Аджухам увлекся и отвел Терезу в тень финиковой пальмы, чтобы палящее солнце не мешало увлекательной беседе. Халруджи никто не звал, но, взяв Свечку под узды, он последовал за ними сам. Оставлять Сейфуллаха наедине с согдианской львицей было опасно.

– На самом деле мне нужно в Карах-Антар, – тем временем, рассказывала Тереза. – Говорят, там обитает легендарная «Мертвая Голова». Бабочка, которую давно считают вымершей. Я видела гравюру с ней и сразу влюбилась. Ах, она прекрасна!

Монтеро картинно вскинула руки, а Сейфуллах поспешил придержать сумочку, которая загремела лежащим в ней барахлом.

– Конечно, прекрасна! – воскликнул он, но тут до него дошел смысл произнесенных Терезой слов.

– То есть, как в Карах-Антар? – переспросил Аджухам.

Его удивление было понятно. Даже младенцы знали, что в самой страшной пустыне Сикелии не жил никто. Даже керхи. Дети пустыни покинули свою родину несколько веков назад и возвращаться не собирались. Какие уж там бабочки.

– О, как хорошо, что я вас встретила! – продолжала восхищаться Тереза. – Возможно, это прозвучит дерзко и невежливо, но я хочу попросить вас найти проводника. Говорят, на дорогах разбойничают кочевники, а мне не хотелось бы неприятностей. Я хочу нанять настоящего специалиста, а не первого встречного. Боюсь, без вашей помощи меня надуют. Насчет денег не волнуйтесь. Я согласна на любую цену.

«От кочевников никто не застрахован, дорогуша, даже профессионалы», – подумал Арлинг, чувствуя, как у Сейфуллаха открылось второе дыхание.

– О, прекрасная Тереза! – с хрипотцой отозвался Аджухам – Теперь я уверен, что нашу встречу предусмотрели боги, потому что именно я тот человек, которого вы ищете. Мы с моим слугой бываем в тех краях почти каждый год, и не без гордости скажу, что вряд ли в Самрии найдется человек, который знает Карах-Антар так же хорошо, как я. Если где и искать вымерших тварей, то только там. Для меня будет большой честью стать вашим проводником. Разумеется, о деньгах речь не идет. Время, проведенное с вами, станет для меня самой ценной наградой.

Похоже, у Аджухама случился солнечный удар.

Халруджи медленно выпустил из себя воздух и крепко сцепил пальцы рук, боясь, что они сомкнутся на сейфуллаховой шее. Приступы ярости накатывали один за другим, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы не выпустить их наружу. Первая волна злости была самой сильной. Аджухам нагородил столько лжи, что увяз в ней по горло. Подавить приступ ярости удалось не сразу. Какой Карах-Антар, если они собирались на острова пти-

чьего племени? Замена была явно не равной. Регарди, не раздумывая, выбрал бы плавание в вонючем трюме к Птичьим Островам, чем сомнительное путешествие в сердце сикелийского пекла. А как же Балидет? Как насчет Белой Мельницы и имана? Сходи в бордель, Сейфуллах, и остынь! Эта согдианка откусит тебе крылья и вырвет из спины позвоночник. А потом накачает нафталином и прицепит булавкой на коллекционную доску редких видов.

Тереза, конечно же, согласилась. Ее ответ был предсказуем, как и то, что в гостинице Арлинг устроит своему благородному, мудрому, но чересчур влюбчивому господину хорошую взбучку.

Когда Терезу окликнули сопровождающие, Регарди был готов пожать руку каждому из них. Чем быстрее уйдет эта дама, тем больше шансов, что вся дурь, которая залетела в голову Сейфуллаха вместе с песком и пылью, выветрится, уступив место обычному трезвому рассудку кучеярского торговца. Впрочем, в последнее время у халруджи было слишком много поводов, чтобы усомниться в здравости рассуждений своего господина.

– Как долго вы собираетесь пробыть в Самрии? – спросил Аджухам, удерживая Терезу за руку. – Мне потребуется месяц, чтобы уладить кое-какие дела, после чего я буду полностью в вашем распоряжении. Осмелюсь предположить, что именно столько времени вам потребуется, чтобы насладиться всеми красотами этого прекрасного города. И знайте, ваш отказ поранит мне сердце.

– А вы тот еще льстец! – рассмеялась Тереза. – Я никуда не спешу. Значит, договорились. Сейчас мне пора. Нужно проследить, чтобы эти болваны ничего не сломали при разгрузке. Но мне не хотелось бы расставаться с вами так просто. Я ведь ваш должник. Сегодня вечером я устраиваю прием в гостинице по случаю приезда. Приглашаю и вас. Вы станете яркой жемчужиной среди моих знакомых, большинство, увы, драганы. Мы могли бы обсудить нашу поездку и познакомиться поближе... Ваш отказ поранит мне сердце.

Аджухам и Тереза Монрето расстались лучшими друзьями.

– Она захотела познакомиться поближе! – восторженно повторил Сейфуллах, забираясь на Свечку. – Вот эта женщина! Черт возьми, какое удачное утро! А ты молодец, халруджи. Правда, с мальчишкой сплоховал, но все обернулось очень замечательно.

– Не ходите к ней вечером, господин, – мрачно заявил Арлинг. – Согдарийские женщины страшны и опасны. Это не кучеярки. Они редко моются, заливают себя духами, чтобы отбить запах грязи, и чаще всего больны. Вы понимаете, о каких болячках я говорю? Было бы досадно пропустить собрание Белой Мельницы из-за «Веселого Стражника» или чего похуже. То, что она знатная и с виду ухоженная, не является поводом тащить ее сразу в постель. Нужно проявлять осторожность, особенно в вопросах, касающихся здоровья.

– Полегче, халруджи, а то я тебе устрою «Веселого Стражника». Какая муха тебя укусила? Я не собираюсь с ней спать в первый же вечер. Только во второй, – Аджухам прыснул в кулак. – Красотка. Богатая. Сумасшедшая. Люблю таких.

– Но...

– Никаких но! – прервал его Сейфуллах. – Сегодня я иду знакомиться с настоящей гранд-дамой, и, возможно, не вернусь ночевать. Мало ли, что она понимает под словами – знакомиться ближе. Я, как представитель древней и могучей расы кучеяров, не могу разочаровать женщину. А когда мы вернемся с Птичьих Островов, то сразу же отправимся в Карах-Антар. Боги сегодня удивительно щедро одаривают меня гениальными мыслями.

– Отправится туда, откуда сбежали даже керхи? – возмутился Арлинг. – Это, по-вашему, гениальная мысль? А, по-моему, вам напекло голову, и вы бредите!

– Сам дурак, – добродушно отмахнулся Сейфуллах. – Карах-Антар – то, что нам нужно. Если бы не эта согдианка, я сам никогда не вспомнил бы об этом месте. А о нем следовало подумать в первую очередь. Маргаджан откуда явился? Правильно, с востока, и ни в одном сикелийском городе его до этого не видели. Он пришел из Белых Песков. Это так же

верно, как то, что дождя сегодня не будет. Неважно, как мы разгромим его армию. Но когда это случится, первый вопрос, о котором нужно будет задуматься – а не придут ли другие. Я давно подозревал, что керхи специально распускают слухи о том, что в Карах-Антаре нет жизни. Мы проникнем в самое сердце врага. Заодно поищем бабочек. А вдруг госпожа Тереза не ошибается? Хотя может статься, что ищет она вовсе не крылатых прелестниц. Дьявол, это будет мое самое приятное путешествие в пустыню. Спорим, что дамочка повернет обратно, не дойдя и до третьего колодца?

Арлинг не счел нужным отвечать и молча повел Свечку с гордо восседающим на ней Аджухамом в гостиницу. Несмотря на то что в словах Сейфуллаха звучала логика, от них все равно на много сaley несло бредом перегревшегося на солнце человека. Уж лучше бы мальчишка застрял в портовом кабаке и напился до потери памяти.

А еще ему было жаль Альмас Пир. Он не знал, было ли сегодняшнее поведение Аджухама вызвано чувством мести, или Тереза действительно произвела на него впечатление. Ведь, в конце концов, не Сейфуллах бросил Альмас, а она его. Но Арлингу было все равно жаль. Дочь Пиров была хорошей девушкой из древней и уважаемой семьи. Тереза тоже была знатного рода, но ее благородство давно разбилось об уродливые камни придворной жизни и поступок, который навсегда останется между ними гигантской пропастью, заполненной его ненавистью и презрением.

В тот день звезды улыбались Аджухаму, а не его халруджи. Когда выяснилось, что они с госпожой Монрето остановились в одной гостинице, и она оказалась той самой знатной дамой из Согдианы, которая заняла первые ярусы башни, радость Сейфуллаха не знала границ. Во всяком случае, Регарди давно не видел его таким веселым.

На прием молодой Аджухам собирался особенно тщательно. Арлингу пришлось обещать не один рынок, чтобы выбрать для него самый лучший костюм Самрии. Труднее всего оказалось найти подходящие туфли, потому что душа Сейфуллаха никогда не была равнодушна к обуви. В конце концов, его придирчивый взгляд остановился на паре, обитой красным сафьяном и с вышивкой из черного жемчуга. Оставшуюся часть дня Регарди носился по лавкам и портным, пытаясь отыскать такие же пояс и головной платок. О татуировщике снова пришлось забыть.

– Я пойду один, – сказал Сейфуллах, заканчивая туалет тщательно подобранным парфюмом. Запахи сикелийского можжевельника и грейпфрута должны были пробудить в душе согдианской дамы тоску и томление, а многосложный аромат мускатного ореха, перца и ладана заставить ее сердце биться чаще. Намерения молодого купца читались, как открытая книга.

– А как же етобары? – ехидно спросил Арлинг. – Или вы думаете, они остались в Балидете?

– Я думал, ты решил эту проблему, – рассеянно произнес Сейфуллах.

– С тем етобаром – да, – солгал Арлинг, – но остались другие. Секта ятопайров есть даже в Согдари, что говорить о Самрии. Здесь их гнездо. Етобары славятся тем, что не бросают незаконченных дел. А раз вы живы, они о вас помнят. И ударят в самый неожиданный момент. Тогда, когда вы будете наслаждаться драганским гостеприимством.

– Хорошо, твоя взяла, – сдался Аджухам. – Но ты должен будешь испариться сразу, как я подам знак.

– Какой знак?

– Вот такой! – Сейфуллах энергично провел ладонью по шее.

– Не уверен, что смогу заметить его, господин. Я же слепой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.